

МАРИНА
ЛАЗАРЕВА

Волжский
роман



Ушедшие в никуда

Марина Лазарева
Ушедшие в никуда
Серия «Волжский роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63625096
Ушедшие в никуда: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8497-1

Аннотация

Лазарева, М. Ушедшие в никуда: роман, повесть, очерки / Марина Лазарева. – М.: Издательство Вече, 2020. – 336 с. – (Волжский роман). Знак информационной продукции 12+ Действие романа «Ушедшие в никуда» разворачивается в городе Итиль в период упадка некогда великого и могучего Хазарского каганата, существовавшего на территории Нижнего Поволжья. Через хитросплетения судеб героев раскрываются реальные исторические события того времени, вплоть до разгрома Хазарии русским князем Святославом в 965 году. Среди героев романа как вымышленные персонажи, так и реальные представители описываемой эпохи: малик-хазар Иосиф, князь Святослав, княгиня Ольга, принятие ею крещения в Константинополе и воспитание в духе христианства внука, будущего крестителя Руси – князя Владимира.

Содержание

Ушедшие в никуда	5
Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Марина Лазарева

Ушедшие в никуда

© Лазарева М., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

*** * ***

Ушедшие в никуда

Часть I

I

Серебристо-голубая от молодой, мягкой, словно мох, полыни степь просыпалась после долгого зимнего сна. Бескрайняя, она раскинула свои земли, покуда хватало человеческого взгляда. Заневестилась, залилась румянцем алых маков, примеряя желтый наряд полевых тюльпанов, расцвела всеми цветами южной стремительной весны.

Бесчисленные протоки дельты реки Итиль¹ одели свои берега в зеленые мантии, сотканые из сочной весенней травы. В ериках, спрятанных в зарослях молодого рогоза, увлеченные брачными играми гнездились цапли. На шелкотравье степных просторов паслись сайгаки. Огромный орел воспарил над землей, но, наметив жертву, камнем упал вниз, чтобы через мгновение взмыть ввысь, унося в сильных когтях зайца. Легкий весенний ветерок, пронизанный запахами мяты и полыни, близкой вешней воды и юной степной зеле-

¹ Итиль (Идель) – в переводе с татарского «большая река», ныне Волга.

ни, звал, манил в объятья весенней степи.

Наступало самое приятное время летнего кочевья, когда каждый житель города Итиль, и стар и млад, с приходом месяца нисана² в радости и с песнями отправлялся в степь к своим родовым наследственным землям, к своим пашням и виноградникам. С начала нисана и до конца кислева³ паслись на бескрайних степных пастбищах стада овец, табуны лошадей и верблюдов.

В месяцы летнего кочевья столица Хазарского царства – Итиль, становилась безлюдна и тиха. Все, от мала до велика, вместе со скотом уходило в степь на летние пастбища. В городе оставались лишь бедняки, которым не с чем было кочевать, и те, кто охранял имущество своих кочующих господ. Каждый житель Итиля, следуя родовым традициям и заветам, следовал собственным исконным путем летнего кочевья.

С восходом солнца Вениамин – малик⁴ великой Хазарии, со своей свитой, князьями и рабами, как и все жители Итиля в эти дни, начал кочевье. С нисана до кислева ему предстояло обойти всю свою страну. Сейчас его путь лежал к большой реке Бадашан, находящейся от Итиля в двадцати фарсах⁵

² Нисан – апрель.

³ Кислев – ноябрь.

⁴ Малик – в переводе с арабского «царь». Равнозначно: в переводе с тюркского «ильк» – первый; «иша», «шад», «бек» – титулы; «малик-хазар» – царь хазар; «каган-бек», «тархан-каган» – верховный глава.

⁵ Фарсах – нелинейная мера длины, измеряемая в днях пути.

пути. Позади оставались разбросанные то тут, то там пашни и виноградники жителей Хазарии.

Глядя на весеннее великолепие просторов хазарских степей, Вениамин думал о судьбе своей страны, о ее прошлом, настоящем и будущем. Думал о своих предках – правителях великого тюркютского ханства.

Во времена прошедших веков, владея сильным войском, его страна господствовала над многими живущими рядом племенами. Но после поражения в борьбе с арабами она потеряла свое прежнее военное могущество, хотя и была все так же богата. Сейчас Хазария искала прочного мира с Халифатом, пытаясь закрепить за собой торговые пути к Гирканскому⁶ морю. Он – Вениамин, потомок династии Обадия, правил этой страной.

К полудню караван малика со свитой остановился на первую стоянку около неглубокой протоки. Затекшие за полдня пути суставы ныли и требовали разминки. Юный весенний ветерок, игриво касаясь одежд, дарил ощущение свободы.

Вениамин вглядывался в даль. Там за просторами его степи жили чуждые ему племена гузов, алан, буртасов, русов. Они называли его большую реку Итиль каждый на свой лад – и Валкой, и Волгомой, и Вольгой, но чаще Итиль называли Волгой.

⁶ Гирканское море, или Джурджанское, названное по названию страны Гиркания, или, вероятнее, Гургандж (Джурджания), – Каспийское море.

Задымились костры, обещая скорый обед. Рабы разбивали шатры. В ожидании временного жилища на зеленом ковре степной травы, кружком, близко друг к другу, сидели наложницы. В отдалении, рядом со старой ветлой, заалел китайского шелка просторный шатер царицы. Она сама, в сопровождении прислужниц и евнухов, прогуливалась вдоль невысокого берега извилистой речушки, разглядывая в спокойной глади воды не расцветшие пока кувшинки. Ночи еще были холодны, и рабы застилали шатры верблюжьим войлоком и шкурами.

Простор! Простор хазарской степи! Как любил Вениамин полынный ее запах, дыхание весенних ветров и сочную зелень молодой, еще не выгоревшей на жарком южном солнце травы! Это была его земля, его страна, его Хазария!

II

В это лето Микаэль не отправился вместе со старшим братом Юнусом и младшими сестрами на кочевье, а остался с больной матерью в Итиле. Их род был знатен, хотя и не отличался богатством. Микаэль, четырнадцатилетний юноша, не гнушался никакой работы, чтобы заработать на существование своей семьи.

Жили они, как и полагалось роду их знатной фамилии, в западной части города, которая принадлежала царю, его придворным и его войску. В былые времена эту часть хазар-

ской столицы называли Ханбалык, теперь она именовалась так же, как и весь город – Итиль.

Микаэль и его знатный род были иудеями и регулярно посещали синагогу, изучая Святое Писание. Как и многие жители Итиля, жили они в юрте из дерева и войлока, с остроконечной башенной крышей, свойственной всем хазарским жилищам. Конечно, морозными хазарскими зимами трудно было удержать тепло в войлочном шатре, но строить жилища из обожженных кирпичей мог только малик-хазар. Все остальные сурово наказывались за такие вольности, ибо проявляли дерзость, посягая на царские привилегии.

Микаэль откинул войлочную накидку над входом, и юрту наполнил свежий весенний воздух. Солнечный луч, заглянув в жилище, задрожал на полу озерцом света. В глубине юрты на расстеленных овечьих шкурах лежала женщина. Возраст ее определить было практически невозможно. Непонятная болезнь за какой-то месяц иссушила ее тело, прочертив по рукам и лицу глубокие старческие морщины. Она лежала недвижно. Глаза ее были закрыты. Пересохшие губы то что-то невнятно шептали, то, истончаясь, приоткрывали рот. На лбу выступила испарина. Микаэль сел рядом с матерью, осторожно вытер ей пот со лба. Вчера он приводил к ней лекаря-шамана. Тот, поколдовав над рисовыми зернами, сказал, что болезнь плохая, но к рассвету должно стать легче, если больная выпьет приготовленное им снадобье. Снадобье Микаэль давал матери исправно, но к утру женщине стало

совсем худо. Она умирала.

Новый день заглядывал в юрту. Он требовал новых дел, и Микаэлю нужно было отлучиться на некоторое время. Как не хотелось ему того, но он должен был оставить мать на некоторое время одну. Дела звали его. Каждую ночь Микаэль выпекал в печи, стоящей рядом с юртой, хлеба и лаваша. Каждое утро он шел продавать их на городской рынок. В тихой летней столице, когда весь городской люд кочевал по своим родовым землям, хлеб раскупали мало, да и тот уходил дешево.

Оставив больную мать, Микаэль, взяв корзину с хлебом, отправился на рынок. Он шел по тенистой дорожке под сводами акаций и катальп. Около общественной бани он свернул в улицу, где вместо юрт стояли небольшие постройки из глины. Здесь, недалеко от рынка, жила Амина. Она хоть и была хазаркой-иудейкой, но род ее не был так знатен, как род Микаэля. Ее отец служил у итильского князя и, пока тот вместе с царским двором кочевал по Хазарии, поддерживал в исправном порядке его хозяйство.

Каждое утро Микаэль, проходя мимо глиняной мазанки Амины, заносил ей горячий, свежеиспеченный хлеб. Так повелось с тех самых пор, когда Микаэль впервые пошел на рынок продавать лаваша. Вот и сегодня она вышла ему навстречу. Светлолицая и ясноокая, она была удивительно красива. Ее миндалевидные глаза смотрели из-под длинных смоляных ресниц, выразительно подчеркнутых густым изги-

бом бровей. Особую притягательность ее взгляду придавала маленькая темная родинка, точно звездочка, расположившаяся чуть выше бровей, которая, по мнению древних, означала мудрость. Предки ее не входили в аристократическую знать. Но все же принадлежали они к белым свободным хазарам, а не к тем хазарам кара-будун, со смуглой, почти черной кожей, зависимых от податей бедняков. Девушка улыбнулась красивой белозубой улыбкой и пригласила Микаэля в дом.

– Не могу, Амина, – отказался от приглашения юноша. – Вот, хлеб вам принес, возьми, – протянул он Амине еще теплый лаваш. – Мать совсем плохая. Быстрее бы управиться. Может, пока все распродам, ее уж и смерть возьмет.

– Не говори так, Микаэль, – отозвалась девушка, – все в руках Господа.

– Амина, приходи сегодня на берег Итили к той ветле, ну, ты знаешь, – робко взглянув на девушку, попросил ее Микаэль.

– Приду, если отец будет у князя на подворье, – тихо ответила она.

Амина была чуть моложе Микаэля. Они знали друг друга еще с тех самых пор, когда оба только учились делать свои первые шаги. Их родители дружбы друг с другом не водили, но были в неплохих отношениях. Отец Амины в мыслях не исключал породниться пусть с небогатым, но знатным родом, к которому принадлежал Микаэль, и, хоть держал дочь

в строгости, все же нет-нет да и умалчивал о прозанных им тайных встречах дочери с этим юношей.

Вечерело. Амина пришла к ветле, как и уговаривались, но Микаэля не было. Подождав немного, она направилась к юрте юноши. Не часто доводилось ей бывать там, она немного робела, но все же тревожное чувство влекло ее туда.

Микаэль стоял на коленях на расстеленных овечьих шкурах, в оцепенении глядя на лежащую перед ним женщину, и держал ее за руку. Он не замечал вошедшую Амину. Девушка подошла ближе и тронула его за плечо.

– Ты?.. – равнодушно ответил он, не поворачивая головы. – Ее больше нет, она умерла...

Амина опустилась рядом. Она взяла из рук Микаэля высушенную безжизненную руку его скончавшейся матери и положила ей на грудь. Микаэль повернул голову. Взгляд его был туманен и пуст. По щекам текли слезы – горькие, тихие, мужские. Девушка, обняв ладонями молодое, полное жизни и скорби лицо юноши, осторожно вытирала мокрые соленые дорожки.

– Они сами текут, – словно оправдываясь, тихо вымолвил Микаэль, – я не хочу, а они текут...

III

Давно минул срок, когда Создатель творил жизнь на земле, когда в едином русле времени повелел течь событиям,

колоситься травам, и каждой твари – зверю, птице иль человеку – находиться в мирном соседстве с собратьями своими. В кратости усмотрел Создатель дыхание жизни, а посему краток век всякого зверя и всякой птицы. И человек, едва войдя в мир, едва осмотревшись и пригладившись роду-племени, в коем родился, уже видит черту свою. Как лето всякий раз растворяется в осени, а зима тает в вечно юной весне, так и все бытующее на земле, отговорив буйством жизни, в неизбежной покорности уступает место под солнцем новой поросли. Прощаясь с соплеменником, лев оплакивает львицу, лебедь – лебедицу, человек – близкого ему. Но каждый в горе своем одинок. Безразличен мир к бесконечной смене живущих в нем...

Похоронив мать, Микаэль остался один. Неприхотливый его быт теперь сделался еще более простым. Циновка для сна, кусок лаваша да глоток кумыса, вот и все, что нужно было ему для жизни. Вставал он затемно, чтобы к рассвету напечь лепешек и отнести их продавать на базар. Ложился с закатом. Лишь нечастые встречи с Аминой скрашивали его одиночество и притупляли чувство невосполнимой потери. Так проходили дни...

Утро выдалось жарким. Хазарский рынок жил обычной базарной суетой. Лавочники наперебой, громко крича, зазывали к себе покупателей. Те, прохаживаясь меж рядов, выбирали товар, не спеша, приглядываясь, примеривались. От бойкой торговли базар гудел словно улей.

Сегодня Микаэль продал лепешки на удивление быстро и теперь решил пройти через главную базарную площадь, где всегда собиралось много народу. Торговцы решали выгодные сделки, судачили о жизни хазарянки...

– Слушайте, жители Итиля! – Микаэль повернул голову на донесшийся до него голос. На базарной вышке, откуда всякий раз зачитывались важные указы и сообщения, взывал к народу глашатай малик-хазара. – На город опустился траур... – Микаэль вздрогнул. – Сегодня ночью всеми любимый солнцеподобный каган Истани закончил свой земной путь. – Голос глашатая звучал скорбно, медленно и протяжно растягивая слова. От неожиданного известия в толпе прокатился возглас недоумения. Микаэль отказывался верить тому, что слышал. А глашатай все взывал и взывал к народу: – Всевышний призвал кагана Истани на рассвете, и сейчас он стоит перед ним, дожидаясь Божьего суда...

Весть разнеслась с быстротой сокрушающего урагана. На площадь все прибывал и прибывал люд. Уже никто не слушал глашатая, который в третий раз вещал городу печальную новость.

Словно молния небесная поразила Микаэля в самое средоточие кровоточащей раны его сердца. Он больше ничего не видел и не слышал вокруг себя. В ушах у него звенело. Он давно, очень давно не видел отца, не видел его с тех самых пор, как тот ушел во дворец, став Верховным каганом Хазарии, но от этого на душе было не легче.

Народ недоумевал. Каган Истани был еще не стар, чтоб покидать этот мир, он был угоден народу, и никто не желал его смерти. Несмотря на засухи последних лет, никто не приходил к малику Вениамину и, как это позволяли законы Хазарии, не заявлял ему: «Мы предписываем эти несчастья кагану Истани, его существование приносит нам вред. Убей Его!» Срок его правления, который определил себе он сам, еще не истек, и никто не отбирал у него жизнь! Хотя каган и был недосыгаем до народа, хотя народ не смел зрить его, все же народ любил кагана Истани.

Глашатай смолк.

Ноги несли Микаэля прочь от злосчастной площади, на которой он только что искал утешения, а нашел еще одну беду. «Господи, – взывал к Всевышнему Микаэль, – за что ты испытываешь меня?! За что посылаешь мне потерю за потерей?! В чем я провинился перед тобой?!» Его руки еще помнили мертвенный лед безжизненного тела его почившей матери. Разум вопреки желанию еще настойчиво рисовал в сознании ее предсмертное высохшее лицо, а душа непрерывно боролась с мыслью о невозвратности. Это было лишь несколько дней назад. И вновь неожиданный удар судьбы.

Микаэлю было всего четыре года, когда Истани пришел срок становиться каганом. Потомок древней тюркютской династии Ашина, он подчинялся законам Хазарии. Каган всегда выбирался только из их рода. Род был знатен, но все его представители в трудах праведных обеспечивали себе суще-

ствование. И только тот, кто становился каганом, с наступлением положенного срока уходил во дворец, становясь безвластной марионеткой малик-хазара. Так жил и Истани. До срока он вел обычный мирской уклад. Он любил женщину и подарил жизнь Юнусу, Микаэлю и двум дочерям. Но срок настал, и выбор пал на него. Он вошел во дворец, как и велели законы Хазарии, своей рукой он поднес своему предтече чашу со смертельным зельем. Предшественник Истани царствовал сорок лет. Дольше не имел права царствовать никто, ибо, как считали хазары, ум любого кагана за этот срок слабел и рассудок расстраивался, его божественная сила меркла, и он не мог более приносить пользу своему народу. Ему надлежало умереть, уступив место своему потомку.

Так, чуть больше десяти лет назад расстался Микаэль со своим отцом...

Микаэль не помнил, как он вошел в юрту. Он сел, прижавшись к войлоку жилища, и замер, глядя в незримую точку пространства, известную лишь ему.

Сколько длилось оцепенение – час, два, дольше, – кто знает? Его туманный взор слабо различал, что происходило вокруг. Кто-то появился в проходе, кто-то сел перед ним на колени... Чья-то рука коснулась его.

«Так уже было, – безвольно рассуждал он, – когда умерла мама. Сюда пришла Амина... Амина...» Он повернул голову.

– Амина, – еле слышно произнес он, – как хорошо, что ты

пришла. Мне одному не справиться.

– Я знаю, Микаэль, знаю, – в ее глазах блестели слезы, – но ты должен быть сильным. Мой отец сегодня был во дворце малик-хазара, – превозмогала слезы Амина, – там говорят, каган Истани умер от разрыва сердца.

Микаэль поднял глаза на девушку:

– Почему?! Почему Господь посылает мне такие суровые наказания?! Чем я прогневил его?!

– Не говори так, – остановила его Амина. – Всевышний волен вершить судьбы людские. Нам не постичь его Промысла.

Микаэль углубился в себя. Его мысли метались от вопроса к вопросу. Не находя ответов, они то устремлялись на кочевье к Юнусу и сестрам, то вновь кружились вокруг оставивших его родителей.

– Сегодня на небе родится новая звезда, – тихо произнесла Амина.

Микаэль посмотрел на нее непонимающе.

– Да, да, – закивала головой девушка, – новая звезда... Она появится на небе первой. Она воссияет так, что будет видна в солнечных закатных лучах. Это каган Истани взойдет на небесный престол. И ты каждый вечер сможешь видеть его.

– Ты шутишь, Амина, – горько усмехнулся юноша.

– Ничуть. Скоро закат. Пойдем, и ты убедишься сам.

...Легкий ветерок шершавил гладь Итили. Оранжевый

диск светила медленно скатывался за горизонт, смешивая синеву дневного неба с золотом вечернего заката. Короток триумф уходящего дня! Солнечный последний луч еще не успел раствориться в наступающих сумерках, как в его розовой бледности зажглась звезда. Слабая, пульсирующая, едва уловимая глазом, она становилась все заметнее, все ярче. Первая звезда вечернего неба.

Две юные фигуры, взявшись за руки, стояли у самой кромки воды. Их взгляды были прикованы к только что вспыхнувшей во вселенной искорке. На сердце у Микаэля было тяжело. Его мысли в надежде на лучшее устремлялись к далекой небесной обитательнице, но, разбиваясь о действительность, камнем падали в реку. Полноводная Итиль уносила кручину юноши в Гирканское море, за горизонты забвения в безвозвратность...

IV

Быстро течет время на земле. Еще быстрее утекают дни короткой человеческой жизни. Каждому из живущих надлежит в этой жизни пройти путь, названный судьбой. Из случайностей и закономерностей соткана она. Чье-то слово, чей-то жест способны изменить либо поставить в этой судьбе последнюю точку.

Внезапность, с которой каган Истани покинул земной мир, привела хазар в полное смятение. Никто даже в мыслях

не склонялся к тому, что богоподобный оставит хазарский народ без своего покровительства.

Летнее кочевье было в самом разгаре. Жаркий элул⁷ нещадно иссушил землю, превратив зелень степной растительности в выжженный сухостой.

Хотя душа кагана Истани уже воспарила в поднебесье, его брренное тело все еще пребывало на земле. Сейчас им занимались жрецы, чтобы как можно дальше отвести от него неизбежную тленность. Все же надолго откладывать погребение солнцеликого было невозможно.

Под копытами выносливого скакуна дорога клубилась пылью. Без сна и отдыха, утомленный монотонностью пути, нес гонец в летнее кочевье Вениамина печальную весть.

Ничего не подозревающий малик-хазар, разморенный беспощадной жарой, пребывал в той степени душевной расслабленности, когда не было желания вникать ни в какие дела, а решение всех проблем хотелось оставить на потом.

Двор, с которым Вениамин кочевал по землям Хазарии, поддавшись настроению повелителя и жаркому дыханию элула, являл собой ленное течение жизни. Знойное марево степи дрожало миражами. Даже вечер и короткая южная ночь не приносили кочевникам бодрящей прохлады. Казалось, воздух застыл горячей липкой массой, поглотив всякое движение и звуки.

Тем неожиданнее для кочующего двора предстало вы-

⁷ Элул – июль (евр.).

рвавшееся из-за горизонта и стремительно несущееся навстречу облако пыли. Вскоре облако озвучилось бешеным перестуком конских копыт. И вот уже взмыленный конь во весь опор влетел в становище малик-хазара. Всадник остановил коня. Тот тут же повалился наземь.

От усталости посыльный еле держался на ногах. Не обращая внимания на загнанного скакуна, он велел не медля препроводить его к малик-хазару.

Весть о внезапной кончине кагана Истани прервала ленивую истому Вениамина, приведя в изрядное волнение кочующий двор. Редко здравствующий каган покидал свой престол, уходя из жизни до определенного им самим срока, так редко, что никто из старожилков не помнил такого. Теперь, когда трон кагана внезапно опустел, все пребывали в изрядной растерянности, ибо никто еще не задавался вопросом, кто займет это божественное место.

Отпустив посыльного, Вениамин приказал позвать к себе Ибрагима. Его верноподданный всегда был рядом со своим повелителем. Малик-хазар видел в нем мудрого политика, к чьему мнению следовало прислушиваться, и лишь амбициозный и взрывной нрав правителя заставлял его порой идти наперекор здравым советам приближенного. Их отношения можно было бы назвать дружескими, если бы тому не препятствовала необходимая иерархия власти и подчинения.

В серьезную минуту Вениамин всегда нуждался в общении с Ибрагимом, но принимал решения единолично,

непредсказуемо отвергая порой мудрые подсказки своего приближенного. Сейчас беку Вениамину предстояло созвать совет, дабы общим мнением определить кандидата на безвременно опустевший престол. Но сначала он сам для себя должен был выбрать достойного принять титул Верховного кагана Хазарии.

Нужно было все хорошо взвесить, прежде чем назвать чье-то имя. Род Ашина велик. Из многочисленного числа претендентов нужно было выбрать самого достойного и... удобного малик-хазару. Прежде всего, в претендующем на престол ценилась молодость. Он не должен быть слишком тщеславен, дабы не разрушить сложившуюся структуру правления. Он не должен подвергаться сомнению истинность превосходства власти малик-хазара.

Не один час слушал Вениамин своего приближенного. Ибрагим не столько подсказывал Вениамину правильный выбор, сколько, размышляя вслух, сам пытался найти верное решение. В конце концов, их мнения сошлись на старшем сыне почившего кагана.

Действительно, старший сын кагана Истани Юнус был молод. Его лета едва достигли шестнадцати. Это был тот возраст, когда характер человеческий сформировался не вполне и при мудром подходе его можно было направить в нужное русло. Каган Истани отличался спокойным невозмутимым нравом, порой склонным к чужому влиянию, что вполне могло быть присуще и его сыну. А потому Юнус был уго-

ден Вениамину, ибо все это облегчало правление малик-хазара.

Сила власти дана человеку на слабости его. В силе власти выявляются и процветают слабости человеческие. Самонадеянность – болезненность души, ибо глух человек, слышащий лишь себя, слеп, не видящий окружения своего. Решение созрело. По мнению Вениамина, не стоило откладывать надолго выборы нового кагана. После захода солнца малик-хазар приказал Ибрагиму созвать совет.

Напрасно Ибрагим отговаривал правителя Хазарии отложить сбор совета до окончания кочевья. Напрасно взывал он к осторожности, ибо поспешные действия могли лишь навредить столь важному делу.

Ибрагим был прав. Не вчера заподозрил он неладное в стане малик-хазара. Не раз говорил он Вениамину, что сердцем чувствует, а чутье еще никогда его не подводило – есть чужак в их стане. А вот кто этот чужак, Ибрагим не знал...

Как только сумерки слегка охладили пыл летнего дня, в шатре малик-хазара собрались кочующие с ним советники и придворные. Каждый, кто пришел сюда, в мыслях уже держал имя претендента на престол кагана.

Бек Вениамин выслушал каждого, отметив себе, чьи мысли совпадают с его мнением. Сам же Вениамин не спешил назвать имя, выбранное им.

Ибрагим осторожно, исподволь старался повлиять на неугодные правителю мнения, дабы свести большинство к

желаемой кандидатуре Юнуса. Вместе с тем он вглядывался в каждого, в надежде понять, кто из сидящих сейчас, здесь, под лицемерной маской преданности скрывает личину врага. Ибрагим чувствовал, что добром этот совет не кончится...

Сановники и советники, придворные и приближенные жарко спорили. Имен в их споре становилось все меньше и меньше. Наконец, все голоса, не без усилий Ибрагима, сошлись в унисон на имени Юнуса – старшего сына Истани. Итак, волею судьбы, Юнус должен был взойти на трон Верховного кагана Хазарии.

V

Дворец Истани пребывал в скорби. Тишина неприятной вязкой массой окутала покои верховного кагана. Вышитый золотой нитью роскошный парчовый балдахин над золотым тронном накрыла своей невесомостью траурная шелковая накидка. Посреди залы, на постаменте, украшенном специально для похоронной церемонии, возвышалось упокоенное тело кагана Истани. Возле его смертного ложа в глубоком молчании находились двадцать пять его верных жен. У ног и изголовья почившего, склонив головы, сидели наложницы. Все они, подавленные общим горем, воздавали своему господину последние земные почести.

В городе готовились к погребению. По указу Вениамина спешно собрали тех, кто должен был возводить похорон-

ный дворец. Его надлежало построить в глубоком и широком котловане, вырыть этот котлован вблизи водоема. Во дворце должно было быть все, что могло пригодиться усопшему за чертой земной бренности. Уже возвели стены двадцати его комнат, уже все комнаты покрыли дорогой золотой парчой. Время заставляло торопиться с устройством и убранством святилища для солнцеподобного и всемогущего, ибо близился час отправляться кагану Истани в далекий путь его новой загробной жизни. В каждой комнате вырыли по могиле. Дно каждой могилы засыпали красной охрой и негашеной известью.

Теперь новое жилище кагана ожидало прибытия своего повелителя. Явиться он должен был в установленный срок вместе со свитой и приближенными, чтобы, единожды войдя во дворец, остаться навсегда за завесой бытия.

Главная площадь Итиля как никогда бурлила людской массой. Еще с рассветом потянулся сюда народ, чтобы проститься со своим верховным правителем. Все беды, все благополучие хазарской земли, урожаи, победы в войнах приписывали люди божественной силе Истани. Простолюдины не ведали, что наделенный духовной силой всемогущий каган – всего лишь безвластная марионетка в руках малик-хазара Вениамина.

Когда-то очень давно, после распада Западнотюркютского каганата, потомки тюркютской династии Ашина, к которой принадлежал усопший, возглавили независимое Хазарское

государство. Время шло, и истинная власть Хазарии перешла к новому основателю династии хазарских царей – беку Обадию. Он сумел низвести роль правящего кагана настолько, что тот, оставаясь в глазах простого народа посланцем Бога, был всего лишь бутафорией великого владыки.

Не только простой народ, но и хазарская знать и соседние с Хазарией племена во все времена видели в кагане родовое всемогущество и сияние божественной власти. Именно это заставило Обадия и потомков его династии, к которой принадлежал ныне правящий малик-хазар Вениамин, не только терпеть, но и оказывать высочайшие почести тем, кого они лишили законной власти. Сегодня Вениамин отдавал последние почести Истани.

Тем временем скорбная процессия, начав свое шествие, медленно двигалась от дворца к площади. Впереди в траурных одеждах шла вся многочисленная свита кагана Истани. Его тело несли четверо рабов на твердых, украшенных соответственно ритуалу носилках. Жены, наложницы, князя, внухи, рабы, прислуга – все сопровождали своего господина в путешествие к праотцам. За этой многочисленной свитой, по всей строгости военной выправки, двигалось несметное войско кагана.

На всем протяжении пути кортеж неспешно двигался сквозь плотные ряды хазар, которые пришли проводить своего господина в последнее странствие. Не смея взглянуть на него даже на усопшего, люди падали ниц, когда колонна при-

ближалась, и отрывали чело от земли, когда стихали звуки шагов завершающего ход войска.

Микаэль с сестрами и Аминой дожидались процессию на городской площади, посреди которой возвышался постамент. На него должны были поставить носилки с почившим. Микаэля охватило волнение. Комок снова подступил к горлу. Он посмотрел на сестер. Те, понуриив головы, стояли в спокойном ожидании. «Они печалются не больше, чем те, кто собрался на площади, – думал про сестер юноша, – ведь они были еще очень малы, когда отец ушел во дворец в его другую жизнь».

Микаэль поймал взгляд Амины. Она смотрела на него немного странно. Он не мог понять, что означал этот взор, который, как казалось Микаэлю, стремился проникнуть в самые потаенные закоулки его души.

Послышался плач похоронных мелодий. Монотонно, заунывно выводили придворные музыканты низкие глухие звуки, заставляя мороз пробегать по коже каждого, кто слышал их тоскующие, манящие в запредельное царство мертвых голоса. Микаэлю показалось, словно земля ушла из-под ног... Нет! Это наводнивший площадь люд разом весь опустился на колени, завидев первых шествующих траурного хода. Опустился, коснувшись лбом холодной земли, и Микаэль. Звуки музыки смолкли. Сердце юноши билось часто и так громко, что казалось, его слышали все, отсчитывая по нему мгновения последнего пребывания кагана Истани со

своим народом.

Сколько длилось прощание, кто скажет? Колени Микаэля затекли, кровь прилила к голове и, с нарастающей силой пульсируя в висках, притупляла слух. Мысли словно растворились, превращаясь в пустоту. Микаэль ощущал теплое плечо Амины, склонившейся к земле рядом с ним, и от этого становилось немного спокойнее. Но вот мелодии заплакали вновь. По отрывисто слышимым звукам Микаэль понял – носилки сняли с прощального пьедестала. Сопровождаемые свитой, носилки с останками кагана Истани на руках рабов поплыли над головами все еще склоненных ниц людей к новому жилищу своего господина.

Степь встретила похоронный эскорт колючим пронизывающим ветром, будто скорбела вместе с хазарами о великой утрате. Соломенно-серое полотно ее простора мертвенной маской отражалось на лице усопшего. Теперь их крепко связывала нить иного бытия, когда, отдав душу Всевышнему, тело Истани должно было раствориться в соках хазарской земли. Совсем близко с усыпальницей кагана бежала река. Лишь тонкая перегородка земляной запруды отделяла воды ее от стен дворца.

Процессия спустилась в котлован. В тихом скорбном молчании рабы поставили носилки перед входом в святилище. Ветер трепал одежды, обдавая собравшихся взвесью колючего песка.

Воздав последние почести своему господину, рабы под-

няли носилки на плечи и внесли их внутрь погребального обиталища. Свет факела, освещавшего путь, скрыли бездушные стены дворца. Время тянулось долго. Никто не пророчил ни звука. Ни звука не донеслось изнутри. Парчовые стены, предназначенные для мертвых, поглощали все создаваемое живыми. Наконец из темного прохода показались фигуры выполнивших свой долг рабов. Выйдя на белый свет, они покорно подошли к уже приготовленным плахам.

– Никто не должен знать, в которой из комнат упокоился каган Истани, – торжественно-печально возвестил глашатай. Повинуясь ритуалу, рабы опустили на колени и покорно сложили головы на гладкий деревянный сруб. – Тайна должна быть сохранена, – звучал голос глашатая.

Острые лезвия топоров коснулись положенных на плахи шей рабов. И топоры исполнили свой долг.

Теперь поочередно к плахам подводили жен, наложниц, слуг, воинов усопшего кагана. Кто сам, покорно повинуясь законам Хазарии, клал на плаху голову, кто, истово сопротивляясь, подчинялся сторонней силе, но все они, обезглавленные и успокоенные, ждали теперь особых почестей – приступить к служению своему господину за чертой этого света. Это для них дно могил засыпали красной охрой и негашеной известью, для них покрывали стены золотой парчой, для них возводили многочисленные комнаты погребального дворца.

Наконец все было окончено. Ряды приближенных, сопро-

вождавших кагана Истани к его новому жилищу, заметно поредели. На земле остались лишь те, кому не выпала честь служить своему господину в загробном мире. Поднявшись из глубины котлована на ровную землю, они смотрели на его обиталище последний раз.

Двое рабов разбирали запруды. Вот последний ком береговой земли дрогнул под их крепкими руками, и река устремила свои сильные воды к усыпальнице. Вот она покрыла ее на треть, вот и вход в обиталище скрылся под водой, вот она коснулась купола, но... сровнявшись уровнями с рекой, остановилась, оставив на поверхности лишь свод, в память о том, что отныне здесь покоятся останки кагана Истани.

VI

Удивительно время! Для кого-то оно течет быстро, для кого-то не очень. Кому-то отпущено много, а кто-то с трудом собирает его по крупицам. То, что для одного срок, другому дано как мгновение. И жизнь человеческая коротка, в сравнении с жизнью целого народа. Но судьбы народов сотканы из судеб людских и зависимы от них всецело.

В те времена, когда Хазария уже прочно стояла на ногах и мечом покоряла многие народы, ширя границы своей земли, о русском народе никто еще не знал, ибо не был еще он рожден на земле.

Во времена величия Хазарского каганата слабые славян-

ские племена в разобщенности своей не могли явить собой даже незначительного подобия народа, ибо не были они еще народом. Но в те времена мудрейший из старейшин Новгородских Гостомысл словом убедил славян, чтобы разрушили они свое прежнее древнее правление. Послушали славяне Гостомысла и отправили за море великое послов к Варягам – Руси. И поклонились послы Варягам в пояс, и просили Варягов – Руси править их разобщенными племенами. И были теми Варягами – Руси братья иноземцы Рюрик, Синеус и Трувор. И вручили им власть над собой не умевшие править судьбами своими и новгородские славяне, и весь, и чуди, и кривичи. Тогда покинули навсегда братья отечество свое. Поделили меж собой врученные им во владение земли. Рюрик взял под свою волю Новгород, Синеус – Белоозеро, Трувор же взял Изборг. А Псковские, Новгородские и Эстляндские⁸ земли, что расстелились до самого Варяжского⁹ моря, в честь Варяго-Русских князей нарекли Русью. Но это еще не была Русь и не был еще народ русским!

Через два года скончались Синеус и Трувор. Старший же брат Рюрик присоединил их земли к своим и стал править ими едино. Так стала быть Монархия Российская.

Удивительное время! Многие народы в едином времени сходятся в жизненных путях своих. Многие люди разные судьбы свои проживают в общих рамках единого для них

⁸ Эстляндия – историческое название севера Эстонии.

⁹ Варяжское море – Балтийское море.

времени.

В ту единую пору единоземцы Рюриковы – Аскольд и Дир, отправились из Новгорода в Царьград, как други греческие, да повстречали на пути маленький городок. Мирлоубивые жители, встретившие их, рассказали, что ранее правили этим городом три брата, но они давно почивают во сырой земле, и что город тот ныне стоит ничей, но платят жители дань козарам. А наречен сей городок Киевом.

Остались Аскольд и Дир в Киеве, присоединили себе Новгородских Варягов и стали величать себя Киевскими Государями. Быстро забыли они о дружбе с греками и назвали себя их врагами. Совсем скоро вошли Аскольд и Дир в самый Воспор Фракийский с огнем и мечом. Тогда содрогнулся от ужаса Царьград, впервые с трепетом произнося слово «Русь». Но и это еще не был русский народ. И славяне были совсем не те, кого мы привыкли считать славянами, и даже вовсе не славяне, а пришлые варяги – «поляне, иже ныне зовомые “русь”».

Варяги – вооруженные купцы, которые шли через Русь в Византию, дабы повести богатый торг. Варяги – мелкие торговцы. Но те разбойники, что шли вооруженными на возделенные земли Византии, лишь надевали на себя личину варяга – торговца, идущего на Русь либо из Руси. Часто такие варяги, приходя в города Руси, соединялись с вооруженными купцами, нанимаясь конвоирами в русские торговые караваны.

Варяги – заморские пришельцы... Варяжские княжества... Викинги, коннинги, или, по-иному, – витязи, князья...

Княжеская дружина... – орудие управления в руках киевского князя, соединенная торговыми связями с купечеством больших городов. Это несовместимо-опасная смесь меча и мирного торгова и носила название – «русь», название высшего смешанного класса, от которого так отличалось низшее славянское простонародье, что платило этой руси дань.

Именно эта русь, именно эти русы, не имевшие ничего общего с будущей Русью, и тревожили в те времена сердце малик-хазара Вениамина.

До поры, пока Князь Игорь составит договор с греками, где впервые Киевскую область официально назовет Русской землей или Русью, на этих страницах речь будет идти именно о той руси, что начинает написание свое с малой буквицы.

И как бы не было неловко глазу, как бы неприятно не ежилось сердце и не противилась душа, стоит воспринимать бытие руси, даже не как деяния самого раннего младенчества, а вернее, как необходимые предпосылки к зарождению Великого Русского Народа...

VII

В те времена, когда одни народы переживают свою младость, другие, познав в зрелости могущество и величие свое,

приходят к неизбежному упадку собственной мощи, позволяя другим народам пользоваться их знаниями, селиться на их землях. Из праха в прах приходит и уходит жизнь на Земле.

Хазария к десятому веку стала уже не столь сильна, как в века расцвета Тюркютского ханства, когда господствовала она над племенами, вела Закавказские войны и в страхе держала арабов-мусульман – злейших врагов всей Восточной Европы. Сильно было ее оружие, но после позорного поражения, нанесенного хазарам в далеком 6245 году¹⁰ арабским полководцем Мерваном, престиж и авторитет тюркютской династии пали. Хазария уже не стремилась завоевывать Закавказье, а искала с халифатом экономического мира.

Страны, что люди. Как силы людские тают незаметно, так и могущество Тюркютского ханства незаметно приходило в упадок. Хотя малик Вениамин и его народ жили еще в богатстве и благополучии, Хазария уже не была страной, имеющей столицу, а умалилась до торгового города с тянущейся на много фарсахов вокруг него провинцией...

В междуречье Оакса¹¹ и Яксарта¹² под восточным солнцем на много фарсахов окрест расстелило свои земли арабское государство династии Саманидов – Мавераннахр. Сейчас былое величие этой цитадели ислама на востоке, объ-

¹⁰ 736 год н. э.

¹¹ Река Оакс (Окс) – Амударья.

¹² Река Яксарт – Сырдарья.

единившей под своей властью Среднюю Азию и восточный Иран, постепенно меркло, хотя правители ее всеми силами пытались удержать свое влияние на соседние с Мавераннахром страны.

Во дворце эмира Мавераннахра собрались его приближенные. Пытаясь развеять летнюю жару, над головами князей вверх-вниз двигались собранные из страусиных перьев опахала. На серебряных подносах рабы подносили экзотические фрукты, щербеты, лукум. Словно ниоткуда лилась тихая умиротворяющая музыка. Наложницы в полупрозрачных, китайского шелка одеждах, умащенные дорогими благовониями, ласкали взоры и тела возлежащих на атласных подушках князей, то припадали к ногам, едва касаясь их молодыми телами, то с грацией юных серн уносились в танце.

Правитель Мавераннахра, потомок великой династии Саманидов, собрал своих подданных, чтобы услышать их мнения о дальнейших путях страны. Значительные территории находились во власти Мавераннахра. Исмаил Самани покорил Талас, остановил тюркские набеги. Он оставил потомкам мусульманское государство с сильной волей и оружием. Но Византия продвинула свои границы до Евфрата и Оронта. На западе поднимали голову многочисленные племена, среди них полудикие гузы и молодые русы. Пока их в счет можно было не брать. Хазария... Она была уже не столь могущественна как прежде, но с ней по-прежнему приходилось считаться. Кровососущим клещом, тянущим жизненные со-

ки из своих соседей, сидела она на золотоносной жиле своей земли. Все торговые пути сходились в дельте Итили. С хазарских земель расходились по всему свету товары. Довольно хазарам почивать на лаврах! Мавераннахру, впрочем, как и многим соседям Хазарии, нужны были ее земли, но только земли!

Поймав рукой хрупкую наложницу, повелитель привлек ее к себе. Девушка, хорошо обученная искусству любовных утех, с покорной легкостью повиновалась прихоти господина.

– Во имя Саман-худата мы обязаны удержать власть. – Эмир оттолкнул наложницу, насладившись ее мимолетной лаской.

Мавераннахру, этой цитадели ислама, необходим был выход на реку Итиль. Но сила оружия – всего лишь грубая сила насилия, подчинения и страха. Эмир Мавераннахра хорошо понимал, что этого недостаточно. В политике нужны хитрость и лукавство. Мавераннахру была необходима великая сила ислама, и он давно с успехом пользовался этой силой, обращая в мусульманскую веру племена язычников. Проповедники Мавераннахра уже проникли в тюркские кочевья. Благодаря ним племена чигиль и ягма давно уже приняли мусульманство. Непредсказуемые и несказанно дикие гузы и те не устояли перед исламскими проповедниками Мавераннахра. Приняли Ислам и камские булгары. Хазария с востока оказалась в сильном полукольце враждебных ей соседей.

Необходимо было это кольцо сомкнуть на ней самой. От этого зависело дальнейшее могущество Мавераннахра.

Махмуд Мурани был подданным эмира. Правитель Мавераннахра ценил остроту его ума, знания, основанные на прочтении многих книг, и, как казалось эмиру, преданность. Он был силен в политических интригах, хитростью выправив немало безнадежных дел. Сейчас, откинувшись на бежевый атлас пуховых подушек, эмир ждал от подданного свежего слова.

Махмуд, лукаво сощутив глаза, склонился над своим господином. Все присутствующие заметили, как с неподдельным интересом слушал эмир предназначенные лишь для его ушей речи. Опасался Махмуд говорить во всеуслышание о совете в летней резиденции правителя Хазарии, опасался назвать тайно вызнанное имя приемника почившего кагана, что проведали его люди, посланные туда, оставаясь невидимыми, зреть и слышать. Опасался, ибо знал, и в стане эмира Мавераннахра были такие же невидимки.

Пока продолжалась эта прилюдная аудиенция, глаза эмира то зажигались алчностью, то отяжелялись озабоченностью.

Шептун словно сросся устами с ухом своего повелителя. Махмуд давно вынашивал в мыслях выгодные ему планы. Теперь представился удобный случай эти планы осуществить. Нужно было лишь проявить лукавство и смекалку, коих Махмуду было не занимать, и тогда неделимость Вер-

ховного кагана и бека Хазарии рухнет. Он предлагал сделать это немедленно, пока позволяют удачно сложившиеся обстоятельства. Один каган уже пребывал на Небесах, а его преемник еще не знал о будущем престоле.

Эмир, внимая своему подданному, разделял его взгляды. Если задуманному суждено осуществиться, это принесет свои плоды и ослабит веру хазарского народа в непорочность династии Ашина.

Махмуд смолк. Их взгляды встретились. Еле заметный кивок одобрения побудил Махмуда к действию.

VIII

Дни стояли нестерпимо жаркие, солнце пекло нещадно, превращая зеленое покрывало хазарской степи в соломенно-рыжую рогожу, сотканную из огрубевшей травы и ссохшейся глины. Суховейный ветер, разгуливая по пустыне, клонил к земле сочную колючку, поднимая в воздух клубы колкого песка.

Сегодня природа испытывала человека как могла. С утра дул сильный горячий ветер, занавесив горизонт плотным муаром степной пыли. Юнус с младшими сестрами расположился на родовых землях в десяти фарсах от города вниз по Итили. В этом году Юнус засадил часть пашен зерном, а часть своих родовых земель – рисом. Эти злаки давали неплохой урожай и по осени могли принести немалый доход

для их знатной, но весьма небогатой семьи.

Юнус с сестрами выходил из юрты лишь по необходимости. За войлочными стенами заунывно подвывал ветер, задувая песок внутрь постройки. Юнус думал о доме, о заболевшей матери. Когда они уезжали, она немного передвигалась по юрте, но голос ее словно надломился и заметно ослабел. Что с ней сейчас?

За войлочными стенами юрты послышалось ржание коней. Юнус выглянул посмотреть. Кони, привязанные рядом с жилищем, немного волновались. Юнус огляделся. Сквозь завесу поднятой в воздух пыли, недалеко от становища он увидел спешившихся с верблюдов путников. Их было двое.

– Кто такие? – возвысив голос, строго бросил Юнус, когда путники поравнялись с его юртой.

– От торгового каравана отбились, мил человек, – ответил один из путников, – пусти к себе суховей переждать, хоть до утра пусти, – попросились они на постой.

Юнус, как и водилось гостеприимному хозяину, напоив и накормив уставших верблюдов, пригласил путников в дом.

Сестры Юнуса, завидев вошедших незнакомых мужчин, тихо устроились в дальнем окружье юрты и с интересом исподволь наблюдали за потерявшими дорогу странниками. Юнус пригласил гостей к очагу.

За пиалой кумыса Юнус узнал, что Израил и Муса, так называли себя заблудившиеся странники, – хазарские торговцы. Их большой караван с рыбьим клеем направлялся в Джур-

джанию. В обмен на клей в Хазарию собирались взять они ткани и в большом количестве серебряную монету.

– Как получилось, что отстали, сами не уразумеем, – вздохнул Израил. Он был более разговорчив, впрочем, и Муса держался просто. От этого Юнус очень скоро почувствовал к ним некоторое доверие. – Решили спуститься к реке, напоить верблюдов, оглянулись, а караван уже снялся с места, – откусывая лаваш, посетовал торговец. – Тут вскоре начался буран. Следы замело. Так и сбились с пути.

Суховейный ветер нещадно трепал войлок юрты, замечая ее колючим всепроницающим песком. За пиалой кумыса, расположившись вокруг горящего очага, Юнус и его гости засиделись глубоко за полночь. Спать не хотелось. Юноше были интересны его случайные собеседники. Их души казались ему чистыми и открытыми.

В неспешной беседе, под заунывное подвывание ветра Юнус поведал им о своей жизни, о том, что он из знатного рода Ашина, а значит, все его предки и он – иудеи, что в Итиле осталась больная мать с младшим братом, а сам он отправился с младшими сестрами на дальние родовые земли, чтобы вырастить урожай. Если зерно уродится, то это поможет их семье зимой сводить концы с концами. Юнус признался собеседникам, что не хочет испытывать бедность, а мечтает стать богатым торговцем.

Никогда прежде не увлекали его так беседы со случайными постояльцами. Бывало не раз, что в его юрте останавли-

вались на ночлег запоздалые путники, но Юнус в разговоре с ними лишь исполнял долг гостеприимного хозяина. Сегодня юноша забыл о долге и беседовал с Мусой и Израилом, как со старыми добрыми знакомыми. Поговорив о будущем урожае, незаметно перевели разговор на хазарские обычаи, потом затронули праздники, вспомнили иудеев, мусульман, не обошли христиан и язычников.

– Хазария великая страна, – подытожил Муса, – всяк волен любую веру иметь.

– Но только иудеи могут занимать посты государственной власти, – посетовал Израил, поглядывая на Юнуса, – а разве это справедливо?

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Юнус.

– Нет, ничего, – отозвался Израил, – только иудейство – навязанная хазарам религия. Испокон веков хазары другим тюркским богам поклонялись.

– Может, и поклонялись, – снова возразил Юнус, – только теперь хазары познали истинную веру.

– Что ж, ты прав, хозяин, – Муса отпил из пиалы кумыс, – каждому свое. Я мусульманин, видно, поэтому моя религия мне кажется справедливей и лучше. Она основана на любви к ближнему, на ответственности перед детьми, младшими, на почитании старших, особенно матери. У мужчины две руки. Одну он протягивает своим детям, чтобы поставить их на ноги перед взрослой жизнью, другую подает родителям, чтоб в старости быть им опорой. Таковы законы ислама.

Ветер гудел за войлоком юрты, не обещая скорого конца своему разудалому гулянию по степи. Под его длинную монотонную песню беседа в юрте все лилась и лилась. Путники, согретые гостеприимством Юнуса, чувствовали себя в его юрте как дома.

Исраил и Муса рассказывали о своих торговых делах, о том, что хазарский рыбий клей, которым они торговали, особо славился у иноземных покупателей, что отправляли его не только в Джурджанию и Багдад, но и на судах в Константинополь. А как красивы Бухара и Александрия! Юнус слушал новость откуда взявшихся собеседников. Он внимал, как ценились в мире хазарский скот, кожа и рыба, как везли эти товары на рынки Азербайджана, Армении, Персии. Его лишь раздражали неприятные разговоры путников о различии их религий.

– Аллах велит вести жизнь праведную и готовить себя к грядущему Божьему суду, – опять повел разговор о Всевышнем Исраил.

– Патриарх Авраам авину¹³ заключил брит¹⁴ с Богом, по которому евреи должны исполнять мицвот¹⁵, а Бог обещал умножить и защитить потомство Авраама и дать ему во владение страну Израиль, обетованную землю, – старался защитить иудейство Юнус.

¹³ Авину – «отец наш».

¹⁴ Брит – священный союз, завет.

¹⁵ Мицвот – заповеди.

– Да, но при чем здесь хазары? – переспросил его Муса.

– Здесь сказано об иудеях, а я – иудей, – возразил Юнус.

– Об иудеях-евреях, но не хазарах, так что подумай, хозяин, твоя ли это религия?

– Аллах принимает всех: и хазар, и арабов, и русов. Он обещает бессмертие Душе на Небесах. А твоя религия разве приемлет загробную жизнь и воскресение из мертвых? И относится ли она вообще к хазарам?

Юнус молчал.

В степи царила ночь. Все давно уснули, не спал лишь Юнус, зарывшись в густой длинный мех расстеленной овчины. Он думал. Что видел он в своем Итиле? Да, его отец – каган. Но что это ему дает? Власть? Нет! Только затворничество, почести и богатство! Но богатство только ему! А его сестры, больная мать, Микаэль, наконец. Им остается только знатность рода и право потомков быть каганами – марионетками в руках бека – малик-хазара. Они так и будут в поте лица возделывать землю и продавать на рынке хлеб, чтобы заработать на пропитание. Сам Юнус очень хочет стать богатым купцом и увидеть другие страны, как эти случайные путники, что забрели к нему в юрту на ночлег! И может быть, правы они, убеждающие его, что иудаизм для евреев и только для них? В полудреме ему грезились далекие города, караваны бредущих в песках верблюдов. Он то тревожно вздрагивал, то беспокойно метался во сне. Видения исчезали. В следующее мгновение перед его туманным взором предста-

вала мать. Она манила его к себе, но сама уходила куда-то во тьму...

Утро выдалось добрым. Ветер утих. Степь звенела щебетом птиц, вызывая из-за горизонта заспанное оранжевое солнце. Юнус откинул войлок юрты и вышел на утренний степной простор. Глубоко вдохнув полной грудью горьковатый полынный воздух, он ощутил, как наполняется силой его молодое тело. Жить! Так хочется жить! Это то, о чем говорили вчера Израил и Муса. Он хочет быть свободным.

Путники стали собираться в дорогу. Юнус как гостеприимный хозяин накормил и напоил верблюдов, помог надеть упряжь. Все вместе выпили кумыс с пресными лепешками. Израил и Муса сели на верблюдов.

Юнус смотрел на торговцев с нескрываемой завистью. Его манила свобода, воображаемые образы незнакомых городов и желанное недостижимое богатство.

– Трогай, – скомандовал Израил.

Неожиданно Юнус дернул упряжь, останавливая тронувшихся было путников:

– Возьмите меня с собой в Бухару, в Александрию, куда-нибудь. Я хочу стать купцом.

Неутолимое желание и мольба в его глазах были заметны Израилу даже с высоты верблюжьих горбов. Но с ответом он медлил. Пауза затягивалась, и это приводило Юнуса в отчаяние.

– Мы подумаем, – прервал молчание Муса, словно пролил

каплю живительной влаги на пересохшие от волнения уста юноши.

– Мы найдем тебя, – добавил Израил.

– Я живу в западном городе, недалеко от синагоги, – сбивчиво пояснял Юнус вслед удаляющимся путникам, боясь, что не увидит больше своих ночных постояльцев.

Он еще долго смотрел им вслед, пока их силуэты не растворились в неведомых просторах вечно недостижимого горизонта. В его голове роились обрывки ночного разговора, а на сердце холодом осел неприятный осадок от того, что кто-то сомневается в его вере. От этого становилось еще беспокойней и неприятней. Но сладкий дурман вожделения будущего богатства окутывал Юнуса. Его неудержимо влекло к странникам, только что скрывшимся за горизонтом. Он всей душой надеялся, что Муса и Израил возьмут его с собой с торговым караваном в дальние, почти сказочные страны.

IX

Ранняя осень золотила деревья. Кочевой лагерь свиты малик-хазара стоял на берегу Итили. Теперь, вплоть до конца кочевья, они будут идти вдоль ее берегов вверх по течению до самой столицы Хазарии.

Вениамин сидел под сенью раскидистой ветлы. Он смотрел на сильное течение реки, думая о Хазарии, которая сейчас пребывала в трауре, о ее борьбе с Византией. Его мыс-

лям не давала покоя молодая Русь, настолько молодая, что совсем недавно никто не считался с ее народом, униженным и бедным. Напротив, его ставили в один ряд с рабами. Но молодость нельзя считать недостатком. Это, скорее, достоинство, потому как слабость юности очень скоро может обернуться непомерной силой зрелости. Жалок тот, кто не видит той спящей до времени силы! Князь Олег своим походом на Константинополь открыл глаза невидящим. Молодая Русь поднимала голову. Теперь с ней стоило считаться. Под ее рукой ходили северяне и радимичи, что прежде платили дань ему, Вениамину. Русы обложили данью древлян, воевали с тиверцами и уличами. Варяги, чуди, веси, кривичи – все подчинились Руси. Русское войско равнялось двум тысячам кораблей. Вряд ли страшны были теперь русскому государству хазары. Напротив, Вениамин должен был опасаться Руси...

Малик-хазар отломил от дерева ветку и, задумчиво глядя перед собой, отрывал от нее листья.

Его потаенные мысли нарушил прислужник, принесший ему сообщение о том, что прибыли русские послы и просят их принять.

Он принял их, как и полагалось, с подобающими почестями в кочевом шатре, в окружении рабов, с выставленными перед гостями яствами.

После взаимных приветствий и требуемых этикетом любезностей русские послы вручили беку Вениамину письмо.

Вениамин развернул поданный ему свиток и стал внимательно читать: «О, великий бек Вениамин, ты славен своей справедливостью и снисходительностью. Я, предводитель русского войска, что стоит в Румском проливе у крепости на прибрежных землях Хазарии, прошу твоего дозволения пройти через хазарские земли к берегам Гирканского моря. В благодарность, обещаю по возвращении отдать тебе треть добычи».

Вениамин опустил свиток. Он хорошо понимал, что тот, кто выдает себя за предводителя русского войска, вероятнее всего, лишь главарь распущенной и не нужной Руси дружины, ставшей шайкой разбойников, чье неумемное желание сводилось к тому, чтоб опустошать и грабить. От этих многочисленных банд страдали и Гилян, и Ширван, и Табаристан. Вениамин знал и то, что не стоит перечить этим примитивным воякам, способным лишь убивать. Лучше уступить, лучше пойти на поводу. Не первый раз позволял он таким вот дружинам проходить через свою страну. Не время было противиться домогательствам алчных разбойников. Хазарии угрожала Византия, создав коалицию из соседних с ней племен гузов, печенегов и асиев. И лучше было сейчас уступить русам, нежели вести с этими бандами бесполезную борьбу. Не сегодня, а уже давно решил Вениамин не связываться с ними, но сейчас малик-хазар молчал. Он не мог показать посылным предводителя русской дружины, что опасается его.

Пауза затягивалась, наполняя пространство шатра прави-

теля Хазарии, заметно возросшей нервозностью русов.

– Что ж, – наконец, тихо произнес Вениамин, слегка сощуриив глаза, – я позволяю вам пройти через мои земли.

– Мы всегда верили в твое благородство, малик-хазар, – удовлетворенно откликнулись русские послы. Их слегка смутило молчание Вениамина, но привыкшие ходить через хазарские земли, они не сомневались, что получают разрешение и на этот поход. – Благодарим тебя за милость.

Удовлетворенные полученным разрешением посланцы откланялись и вышли. В приоткрывшийся проход шатра проник свежий, чуть сладковатый воздух, дышащий тепло-той южной осени.

Вениамин задумался. Обремененному борьбой с Византией, ему проще было закрыть глаза на похождение русов, нежели нажить себе еще одного врага. Да, последнее время он часто разрешал им проходить к Гирканскому морю через свои земли. Вениамин ведал, что и русские торговцы плавали не только по Румскому¹⁶ морю, но и по Гирканскому. Они хорошо знали его прибрежные территории и выходили на любой берег. Они свободно перемещались по Хазарии, провозя на верблюдах товары из Джурджана в Багдад. Иногда русские купеческие караваны превращались в разбойников. Вениамин об этом хорошо знал. Но что он мог сделать? Его Хазария теряла могущество, она была в кольце враждебных племен. Ее теснили Византия и Халифат. Вениамин не

¹⁶ Румское море – Черное море.

мог противиться требованиям русов. Он стал уступчивым к этому опасному для него явлению жизни.

Х

Русское войско о пятистах кораблях по сорок человеческих душ на каждом стояло в Румском проливе, в ожидании разрешения хазарского правителя пройти через земли его страны к Гирканскому морю. Влажные морские ветры становились с каждым днем все порывистей и холодней. Горизонт все чаще хмурился серыми тяжелыми тучами.

Русы ждали. Они знали: ни по воде, ни по льду, если вдруг застигнет их здесь зима, не пройти им на вожаемые для них земли Ширвана. На том берегу грозным стражем спокойствия возвышалась над заливом хорошо укрепленная каменная крепость хазар. Охраняло ее сильное войско вооруженных копьями и стрелами арсиев¹⁷.

Эту окраину Хазарского царства Вениамин берег как зеницу ока. Именно здесь пытались русы всеми правдами и неправдами ступить на его земли. Именно здесь Вениамину нужна была сильная защита. Правитель Хазарии знал это и платил своим воинам за службу, тогда как остальная часть его арсиев, как и в прежние времена, довольствовалась лишь военной добычей.

¹⁷ Арсии (ларисии, аларисии) – Хазарское войско. Состав войска был разноплеменный, но главным образом оно состояло из тюрок-мусульман.

Русы опасались хорошо укрепленной крепости хазар, но норов необузданных княжьей властью и распущенных за ненадобностью вояк делал их непредсказуемыми. Потому-то и днем и ночью на расстоянии взгляда хазарские арсии неусыпно следили за тем, что делалось окрест.

Вечерами, едва вечер зажигал звезды, по берегу пролива всюду рассыпанным бисером завиднелись зажженные костры. Их многочисленные огни, состязаясь с темнотой наступающей ночи, бросали в небо мерцающие сонмы искр. Они отражались на загрубелых, поросших густой щетиной лицах замысловатой игрой находящихся в вечном противостоянии теней и света. Русы сидели вокруг жарко горящих поленьев небольшими группами и вели неспешные беседы, ленно вплетая в них байки да пересуды.

– Эх, домой бы сейчас, – протяжно тянул кто-то, зевая, – к бабе своей.

Другой, шутейно отвесив ему подзатыльник, задиристо подначивал:

– Сидел бы на печи. Неча в походы-то ходить, коль под бабину юбку да под каблук охота, – съязвил и вокруг костра посеял гогот десятка мужицких глоток, обросших выцветшими на солнце бородами.

– Да, что, – отсмеявшись, уже серьезно отозвался кто-то, – надоело сиднем сидеть. Почитай, уж сколь ден дожидаемся разрешения козар пройти через пролив.

– Скорей бы, – громко вздыхая, сетовали воины, лениво

разминая затекшие суставы.

Затянули песню, старую, грустную, сотканную из низких, хриплых и нестройных мужицких голосов. Потрескивали смолистые сучья, сгорая в золотом, жарко-жадном пламени костров, неспешно превращаясь в красные затухающие уголья. Байки стихли. Ночь покрыла воинов палантином снов. Однако не всем ночь послана для забвения. Иная птица, иной зверь ночью в дозоре. Ночью самая охота. Обманна темнота вуали богини Ночены. Ночью прибыли и посыльные русов, привезли разрешение хазарского правителя пройти через его земли к Гирканскому морю, чтобы на утро в лагере русов воцарилось заметное оживление.

Разбирали полевую кухню, скатывали полотняные палатки, оставляя на берегу пролива серые проплешины еще не остывших пепелищ ночных костров. Еще вчера вечером хазарская крепость была для русов неприступной. Сегодня утром, заручившись письмом хазарского правителя, они переправлялись через пролив, спокойно разглядывая стоящих на крепостных стенах в нагрудниках, кольчугах и шлемах, вооруженных стрелами и копьями хазарских арсиев.

Ступив на хазарские земли, русам оставалось лишь подняться по Дону до переволоки, а там, перетащив свои корабли на Волгу, спуститься вниз по течению к Гирканскому морю. Не морские просторы манили русов – земли, земли Гиляна и Ширвана, земли, где ждала их верная легкая пожива.

XI

Офа вставала до рассвета. Растапливала стоящую во дворе печку, чтобы напечь лавашей. Каждое утро завязывала она в полотняный узелок лаваш и айран¹⁸ – еду для мужа. Азер зарабатывал на жизнь рыбной ловлей, и каждый день, едва небо розовело рассветом, уходил вместе с другими мужчинами-рыбаками на небольших рыбацких лодках в море. Офа на целый день оставалась дома одна с маленькими детьми, которых Господь посылал им исправно каждый год все пять лет, что жили они с Азером вместе.

Офа была чуть полновата, но ростом невысока. Густые смоляные волосы, заплетая в косу, плотно укладывала она на затылке и подвязывала темной полотняной косынкой, отчего ее большие карие глаза становились еще выразительнее.

Азер уходил на берег, а Офа, дождавшись идущего на пастбище пастуха с отарой овец, выводила со двора и свою немногочисленную скотину. Потом целый день до темноты кружилась она в суете от печи к столу, от стола к детям, от детей к огороду. Так жили многие в их Шабране, прибрежном городке Ширвана, добывая себе хлеб в трудах и заботах, – мужчины ловили рыбу, женщины хлопотали по хозяйству.

Исстари привычен был взгляду местных жителей серо-си-

¹⁸ Айран – подсоленный напиток из кефира с зеленью.

ний простор Гирканского моря с мелкими островками и разбросанными по глади морской рыбацкими лодками. Привычны и торговые корабли, подходящие к берегу, и мирная суета, когда несли с кораблей и на корабли, обмениваясь товарами, рыбий клей, ткани, серебряную монету, выделанные шкуры и кожи.

Офа и Фирангиз жили по соседству. Жили дружно – в мире и согласии. Их мужья вместе выходили в открытое море на промыслы, стараясь ставить свои рыбацьи лодки неподалеку друг от друга. Фирангиз была еще очень юна. Не так давно отгуляла в Шабране их с Арчилом свадьба. А потому испросили они у Всевышнего пока только одну дочку. Но жизнь молодых лишь начиналась. И проходили в каждодневных заботах их дни. Мужчины зарабатывали на хлеб насущный, женщины – управлялись по дому. Порой, когда судачили они друг с другом на чьем-нибудь подворье, около них собирался целый выводок ребятни.

День начался как обычно: Офа покормила детей и теперь убирала посуду.

– Офа, Офа! – услышала она со двора звонкий голос соседки. Офа вышла на крыльцо. Фирангиз стояла за ивовым плетнем с ребенком на руках. Увидев подругу, Фирангиз приветливо улыбнулась, обнажив ряд крепких ровных зубов. – Офа, идем на берег, говорят, ночью к островам много торговых кораблей подошло. Большой, видно, караван. Ох, и богатая ярмарка будет!

В те дни, когда к крепостным стенам Шабрана подходили корабли, жизнь здесь становилась оживленнее. Заезжие купцы вели торг на базарной площади, что была неподалеку от пристаней. Местный люд победнее торговал всяким незатейливым товаром прямо на берегу за городскими воротами. Серебряные серьги, бронзовые пряжки для ремней, корзины из виноградной лозы, – все уходило с рук торговцев в такие базарные дни.

День выдался солнечным. Офа и Фирангиз, держа на руках детей, вышли за крепостные ворота на берег. Море было спокойно. По-осеннему нежаркое солнце рассыпало по воде блики, сплетаясь в узоры с темными точками рыбачьих лодок.

Стоя у самой кромки набегающей на прибрежные камни воды, женщины вглядывались в даль, стараясь разглядеть в бисерной россыпи лодок силуэты челноков своих родных кормильцев. Легкий морской бриз ласкал лицо. Но что-то тревожное сквозило в этом невозмутимом спокойствии природы. Где-то вдалеке, едва оторвавшись от островов, направив весла к берегу Шабрана, шли корабли. Торговые суда часто приходили сюда. Они привозили много разных товаров, и тогда все жители города стекались на берег.

Офа и Фирангиз смотрели на приближающиеся суда, пытаясь угадать, с каких земель пожаловал к ним такой большой торговый караван. Но чем ближе подходили корабли, тем меньше походили они на мирные торговые суда.

Вдруг темные точки рыбачьих лодок забеспокоились, зашевелились... На них, словно на беспомощных насекомых, шевеля лапами-веслами, равнодушно напозлали походящие на хищных пауков большие посудины.

Офа вскрикнула. Она еще прижала к груди ребенка и полным ужаса взглядом обожгла Фирангиз.

Мгновение, и большое судно, орудуя паучьими лапами, подмяло под себя чью-то маленькую, еле различимую с берега лодку.

– Что они делают, Фирангиз? Что они делают?! – недоумевала Офа.

Дети прижались к матерям, видя их страх, залились громким плачем.

Слухи растекались быстро. На берег, охваченные тревожной неизвестностью, стекались жители Шабрана.

А суда все шли и шли к берегу, в холодной жестокости подминая под себя не успевшие уйти с их пути лодки. Когда очередная лодка погружалась в пучину моря под тяжестью массивных днищ неизвестных кораблей, берег отзывался стоном ничего не понимающих мирных жителей.

Теперь всем стоящим на берегу стало ясно, что это не торговый караван, а разбойничьи корабли. Кто они?! Откуда пришли?! Что надо им на ширванской земле от людей, которые привыкли встречать лишь мирных торговцев? От опеки Фирангиз очнулась первая:

– Бежим, бежим отсюда, Офа, скорее! – тянула за руку она

подругу, но та, словно замороженная, не двигаясь смотрела на море.

– Бежим! – уводила ее Фирангиз.

– Там Азер, он может погибнуть, я буду ждать его на берегу. – Голос Офы дрожал. – Ты, Фирангиз, иди.

Корабли подходили все ближе. С берега уже были различимы силуэты снующих по палубе людей.

– Да идем же, Офа! – пыталась увести с берега подругу Фирангиз.

– Нет, я останусь, там Азер, иди, – не унималась Офа.

Фирангиз торопилась уйти от опасности. Она попыталась увести и детей Офы, но те, не желая уходить от матери, еще больше разревелись.

Офа осталась на берегу. Вот уж весла судов коснулись прибрежных камней, и ступили на ширванскую землю люди неизвестного ей враждебного племени. Вот уж смешалось оно с бегущей прочь от берега толпой местных жителей, и полетели первые меткие стрелы, слышались крики схваченных за волосы женщин, стоны ударенных в грудь стариков, плач ничего не понимающих детей. Кто они, люди незнакомого племени? Что нужно им на земле Ширвана?

Офа очнулась от оцепенения, когда перед ней вырос огромный русоволосый детина, необхватный в плечах, с хищным взглядом, пожирившим ее. Он схватил ее за шею, дико скаля зубы. Дети в страхе визжали. Отпихнув их ногой от юбки матери, он потащил ее куда-то к старой переверну-

той лодке. Офа еще сжимала в руках младенца, но в следующее мгновение детина безжалостно вырвал его из рук матери и швырнул на прибрежную гальку...

Фирангиз спешно, как могла, уходила от своего дома туда, за огороды, за виноградники, за городские стены, за которые уже проникли кровожадные чужеземцы. Там было спокойнее. Она спряталась за большим валуном в листве раскидистого кустарника в узкой изложине и, прижав к себе ребенка, сидела, тихо плача, пока звезды не покрыли небо. Ночь была безлунна, лишь в стороне Шабрана виднелись розовые зарницы пожаров, да ветер доносил едва уловимый запах гари.

Офа не замечала ни наступившей ночи, ни бушевавших за ее спиной пожаров, ни криков. Она не видела ничего вокруг себя. Униженная, она сидела на холодной прибрежной гальке, без слез склонившись над мертвым младенцем. Среди одиноких лодок рыбаков, добравшихся до берега, ее Азера не было...

Утром Фирангиз, оставив на свой страх и риск спящую дочку, отправилась в город. Стараясь остаться незамеченной, Фирангиз осторожно пробиралась вдоль огородов к своему дому. Спрятавшись за раскидистой чинарой, что росла неподалеку, она увидела во дворе Офы чужаков. Грубо толкнув ногой калитку, один из грабителей выводил со двора скотину, другой выносил из жилища шерстяной ковер, который Офа сплела совсем недавно и хотела вести на ярмарку на продажу. Еще один здоровенный верзила, перемахнув тя-

желой большущей ногой через плетень, повалил его наземь и направился с зажженным факелом к ее, Фирангиз, дому. Стон рвался у женщины из груди, но, подавив в себе боль безысходности, она все же решилась спуститься на берег. Город опустел. Жителей видно не было, лишь убитые попадались ей по дороге. Спрятавшись на берегу за старой лодкой, она огляделась. Берег был усыпан мертвыми телами. С ладей и на ладьи то и дело поднимались и опускались те, кто вчера был принят за мирных торговцев. Они несли, кто что мог – баранов, ковры, серебряную посуду. Не гнушались и утварью – медными тазами да глиняными мисами. Сердце Фирангиз сжалось, она увидела на плече здоровущего мужика отчаянно сопротивляющуюся девичью фигурку.

Совсем недалеко от лодки Фирангиз увидела Офу, склоненную над мертвым тельцем ребенка. Теперь уже не раздумывая, она схватила ее за руку и потащила за собой туда, за огороды и виноградники, к большому валуну, подальше от разоряемого города.

ХII

Правитель Ширвана эмир Идаят Халид две ночи провел без сна. Покрасневшие глаза его ввалились и смотрели на мир с усталой отрешенностью. Тревожные мысли не давали эмиру покоя. Они пульсировали в висках нестерпимой болью. Никогда прежде никто не нарушал границ его страны.

Если нога иноземца и ступала на земли Ширвана, то это были лишь торговцы, приходящие сюда с торговыми караванами. Днями из Шабрана прибыл гонец. Торопясь как можно быстрее доставить эмиру столь печальное известие, и день и ночь он мчал во весь опор. Он загнал коня, и сам едва не испустил дух.

На прибрежные города его страны напали русы. Хорошо вооруженные, они разделились на многие отряды и, словно рассыпанная чечевица, рассеялись по прибрежным селениям. В Шабране горели жилища. Неумные в грабежах русы убивали, полонили мирных жителей, увозя их на свои ладьи.

Гонец с трудом переводил дыхание. Прерываясь в своем повествовании, он все время просил пить. В пути запас его воды иссяк, а он не мог позволить себе тратить время на поиски ее в степи. Едва держась на ногах, гонец поведал эмиру, что часть русов отделилась от дружины и направилась на Васаду.

От этой страшной, угнетающей дух вести Идаят пребывал в тяжелых раздумьях. Казалось, самообладание покинуло его. И не было сил принять еще и послов, прибывших к нему Гиляна и Табаристана...

После дальней дороги усталость валила с ног, но долг чести заставлял иноземных посланных держаться достойно в апартаментах эмира. Их привела к правителю Ширвана общая беда. И бороться с этой бедой им предстояло вместе. Соседи считали Ширван могучей страной. И если Ширван

выступит против русов, соседние с ним народы примкнут к его силе. Может, тогда всем вместе им удастся остановить непрошеное, непредсказуемое нашествие разбойников. Гилян и Табаристан просили помощи у Идаята Халида. Они видели в нем воплощение своих надежд, защиту их детям и старикам.

Идаят Халид внимал их просьбам молча, стараясь казаться спокойным и невозмутимым. Но то, о чем рассказывали ему послы, перекликалось с его переживаниями минувших бессонных ночей, когда он думал о том, с какой легкостью разбойничьим шайкам русов удалось приблизиться к берегам Гирканского моря. Он знал, что малик-хазар разрешал им проходить через земли Хазарии, но прежде грабительские набеги русов не обрушивались на их страны. Этот удар застал всех врасплох. Ни у Ширвана, ни у Гиляна, ни у Табаристана не было необходимого им сейчас войска и мало-мальски пригодного оружия, чтобы сразиться с неумемной вражьей силой.

Идаят становился все более мрачным. На побагровевшем лице эмира нервно напряглись скулы. Хмурость прочертила на переносице две глубокие морщины. Эмир не мог отказать в помощи своим соседям, тем более что они считали Ширван могущественнее их стран. Они видели в нем силу, способную противостоять дьявольской силе русов. Идаят Халид не имел права развенчивать их убеждений, хотя у Ширвана, так же как и у его соседей, не было ничего, кроме мирных тор-

говых посудин да рыбацких лодок. У него не было ни армии, ни воинов, и оружие, которое должно было быть направлено против разбойников, предстояло добывать по дворам и жилищам мирных жителей. Всего этого он не мог сказать послам Гиляна и Табаристана. Гнетущая тишина повисла в воздухе. Молчание эмира затягивалось слишком долго. Наконец, собрав в нервный единый сгусток все свое самообладание, Идаят Халид, исполненный внешнего спокойствия и уверенности в своих силах, заверил ждущих от него помощи людей, что Ширван выступит против русов.

Заручившиеся поддержкой Ширвана послы удалились. Теперь эмир мог позволить себе расслабиться, хотя трудно было не думать, не просматривать предстоящие события иным, основанном на неосязаемых ощущениях зрением. Ему необходимо было создать войско, но на это не было ни времени, ни средств, а непривычные воевать мирные жители вряд ли могли стать надежной опорой в таком ответственном начинании.

Взгляд эмира сверлил известную лишь ему одному незримую точку. Сощуриив глаза, он вглядывался в глубину пространства своих покоев и, словно обгоняя время, старался заглянуть за его непроглядную завесу. Он тщился увидеть исход неминуемой битвы.

ХІІІ

Сегодня Фирангиз оставила ребенка с Офой и отправилась в город, чтобы раздобыть еду.

На базарной площади с утра было многолюдно. Голос глашатая взывал к народу от имени правителя Ширвана Идаята Халида. Он звучал громко, свободно паря в воздухе, заглядывая в дальние глухие уголки улиц, собирая вокруг себя все больше и больше людей:

– Слушайте, жители Ширвана, слово правителя вашего ширваншаха Идаята Халида. Слушайте! Беда пришла на нашу землю. Несметные полчища кровожадных русов непрощено ступили на нее. Они грабят и жгут жилища, бесчестят жен, убивают детей. Соберем же силы наши и прогоним врага с земли Ширванской. Слушайте, жители Ширвана...

Площадь тревожно гудела голосами. Внове было мирскому люду военное ремесло, чуждо, неведомо. Как безоружным мирянам, которые никогда не держали копий, никогда не выпускали из натянутых тетив стрел, идти на покусившегося на их земли, на их жизни ворога? Как?!

Толпа гудела, разнося по дворам и закоулкам весть и сомнения, сомнения и опасения, опасения и тревогу.

Тревога поселилась в душах людей с того самого дня, как приняли они корабли разбойничьих шаек за мирный торговый караван. С тех самых пор русы прочно обосновались на

островах и теперь постоянно совершали разорительные набеги на земли Шабрана. В те дни, когда Небо уводило внимание разбойников от ширванских земель, когда рассовывали они по трюмам и отсекам награбленное добро, жители Шабрана могли ненадолго выходить из потаенных уголков своих, где скрывались они от призора и вражьих лап. В те дни и решили жители Ширвана спешно снарядить свою народную рать.

В эти страшные дни на базарной площади никто не продавал никаких товаров, никакой снеди. Фирангиз ничего не оставалось, как просить у проходящих мимо горожан подаяния. Кто-то вложил ей в руку кусок лаваша, кто-то подал завернутый в тряпицу шор¹⁹, делясь, может быть, последним. Все были едины в постигшей их беде. Многие остались без крова, многие прятались и ютились, где могли.

Фирангиз вернулась к себе в лощину. Она всерьез была обеспокоена душевным состоянием Офы. С тех страшных дней, когда на их землю ступила беда, и по сей день лившая много крови и уносящая безвинные жизни, с тех самых пор, как нашла ее Фирангиз на прибрежной гальке и притащила за руку сюда в изложину, ставшую теперь их домом, Офа словно окаменела. Она сидела недвижно, безучастно глядя в землю. Фирангиз и самой было несладко, но она крепилась, стараясь растормошить подругу, находящуюся на грани безумия.

¹⁹ Шор – творог с зеленью.

– Сегодня на площади глашатай читал указ правителя Ширвана, – невзирая на молчание Офы, сообщила ей Фирангиз, – ширваншах собирает людей, чтобы двинуться на острова и дать отпор русам.

Офа оставалась неподвижной, лишь еле уловимое движение головы в сторону Фирангиз давало понять, что она слышит ее.

Невзирая на превратности судьбы, дни, не задерживаясь, мелькали быстрой чередой. Осень напоминала о себе холодным дыханием все чаще запаздывающих рассветов, туманами и участвовавшими ветрами.

Вечерело. Изложина, ставшая домом для трех человеческих душ, потерявших и кров, и кормильцев, погрузилась в сумерки состарившегося дня. Офа молча поднялась с колен и, ничего не говоря Фирангиз, направилась в сторону моря. Та уже успела привыкнуть к странностям подруги, ее внезапным исчезновениям и появлениям, поэтому не пыталась окликнуть, лишь проводила взглядом. Некогда было ей постоянно удерживать Офу около себя. Весь неприхотливый, но суровый быт держался теперь на Фирангиз. За время их пребывания здесь она соорудила из веток что-то вроде навеса, устелила пол получившегося жилища сухой травой. Она каждый день уходила к небольшому ручью, на счастье протекавшему поблизости, а потом шла в город на поиски еды, чтобы хоть чем-то накормить ребенка. Так жили они уже не одну неделю.

Офа, миновав городские стены, спустилась к берегу. Южный вечер все больше сгущал осенние сумерки. Маленькая фигурка женщины почти растворилась в темноте, и лишь шуршание прибрежной гальки под ногами выдавало ее присутствие.

Она дошла до небольшой бухты. Здесь море было всегда спокойней, чем в других местах. Бухта была расположена так, что с моря с трудом можно было различить, что происходило внутри. Офа сделала еще несколько шагов. Вдоль берега длинными рядами лежали рыбацьи лодки. Их было много. На темной глади воды, словно отдыхающие в степи верблюды, торговые суда лишь намеком обозначили свои неясные силуэты. Офа знала, что вся эта армада с рассветом двинется на острова, на ненавистных русов, принесших ее народу так много горя. Все эти дни жители Шабрана собирали здесь в небольшом гроте бухты все, что готовилось стать оружием против врага – ножи, булыжники, заостренные пики. Офа тоже принимала участие в этих сборах. Она, ничего не говоря Фирангиз, каждый день приходила сюда и собирала камни. На разграбленных развалинах своего жилища она нашла чудом уцелевшую одежду погибшего мужа, принесла ее на берег и спрятала под большим камнем. Завтра перед рассветом, чтобы быть не узнанной, она острижет волосы, переоденется, и вместе с другими мужчинами ступит на ждущее своего боевого часа купеческое судно. Она отомстит русам за кровь, насилие и вероломство. Ночь Офа проведет здесь,

чтоб наутро не опоздать, не явить себя вдруг в женском обликии, а смешаться с общей массой наспех созванных воителей и идти на незваного врага.

XIV

До Итиля оставалось менее одного фарсаха пути, и к вечеру путники намеревались добраться до дома. Мерное поскрипывание колес дорожной кибитки погрузило Юнуса в глубокие раздумья. Лето выдалось засушливым. Впрочем, не только оно. Уже несколько лет подряд Хазарскую степь мучила засуха. Урожай уродился скудный, поэтому не стоило и рассчитывать на большую выручку от него. Впереди их ждала зима. Из года в год они едва сводили концы с концами. Оставалось лишь надеяться на продажу лавашей.

Сестры притихли где-то в глубине кибитки. Юнус правил запряженными верблюдами. Уставшим путникам давно хотелось сменить подпрыгивающее на каждой кочке временное обиталище на уютный войлок домашней юрты. Путь тянулся утомительно-монотонным полотном, сотканным из многочисленных пашен, пастбищ, небольших поселений...

Юнусу нравилось это незатейливое великолепие степи, когда на много фарсахов окрест, вплоть до самого окоема, взор утопал в широте простора, увитого серебристыми лентами речушек не широких, но глубоких, каких бесчисленное множество в дельте Итили.

Слева от путников серебристой лентой заискрилась протока. Ее утонченная линия изгиба обезобразивалась аневризмой широкой заводи. Внимание кочевников привлекло необычное сооружение. Одиноким отшельником стояло оно посреди запруды, возвышаясь полузатопленным куполом над водной гладью. Это творение рук человеческих напоминало каждому проходящему и проезжающему о бренности и иллюзорности сущего мира.

Заунывно постанывал ветер, теряясь в зарослях рогоза, словно шептался с душами ушедших. Одиноко прокричала цапля. Ветер подхватил ее нестройное соло и развеял по степи.

Сердце юноши сжалось от непонятной тревоги. Юнус окликнул сестер, прервав их безмятежную дремоту. Спешились. От долгого переезда земля под ногами казалась мягкой. Привыкшие к затененности кибитки сестры щурились от яркого солнца. Увидев впереди глубокую запруду с выступающим из воды культовым сводом, они тревожно переглянулись. Строение, что стояло на пути возвращающихся домой путников, всем своим видом, знакомым каждому хазару, говорило о том, что здесь упокоились останки кагана. По тому, что берега запруды едва поросли травой, обнажая суглинистую землю, по тому, как бросались в глаза яркие цвета сочных, еще не выцветших на солнце красок погребального свода, путники поняли – могила свежая.

По спине Юнуса, проникая в душу, пробежал холодок.

Юноша вздрогнул. Заметив волнение брата, сестры прижались к нему, словно искали у старшего защиты от вечных человеческих страхов перед запредельностью безвременья.

К могиле приближались пешком. Путники поравнялись с погребением. Как того предписывал ритуал, они совершили перед новым обиталищем кагана поклонение. Помолчали в великом почтении к праху солнцеподобного.

Ветер трепал одежды. Юнус стоял в полном оцепенении. Смутные догадки то перерастали в ясную уверенность, то, разбиваясь о твердые камни неведения, рассыпались в сознании упрямым неверием в то, что покойный – каган Истани – их отец. Стояли долго. Юнус не ведал, что чувствовали сестры, в почтении преклоняясь перед солнцеликим. Они не знали его, почти не знали. И теплота его сердца не проникла в их сердца и не срослась там с фибрами их душ. Он же, Юнус, помнил Истани, помнил его глаза и большие теплые руки. Сейчас, стоя перед его могилой, Юнус чувствовал нечто, чего не мог объяснить. Душа его, до краев наполненная любовью, вдруг ощутила необъяснимую непомерную тоску, смешанную со смятением от того, что кто-то, или что-то, будто вытягивал эту любовь, напрочь опустошая душу. Это ощущалось Юнусом так, словно кто-то манил, кто-то звал его. Испытавший такое знал, этот зов во все времена звался голосом крови.

Отдав почести усопшему кагану, они тронулись дальше. Долго не садились в свою дорожную кибитку, долго! Про-

должали свой путь пешком до тех пор, пока могила кагана Истани не скрылась из вида. Так предписывали законы Хазарии...

XV

Верблюды, томясь от долгого пути, монотонно ступали по выжженному ковру осенней хазарской степи, мерно покачивая упругими горбами. Шли то вдоль Итили, то напрямик, проторенной сильными верблюжьими ногами и кибиточными колесами дорогой.

Солнце, весь день сопровождавшее кочевников, теперь устало садилось за горизонт. Вдалеке нечеткими силуэтами завиднелись городские стены. Вот уж различим вознесшийся над крепостными стенами минарет. И почему он сейчас так бросился в глаза Юнусу? Вот и крепостные ворота, встречающие путников из степи, все зримее, все ближе. Их скрип, словно старческое ворчание, потревожил вечернюю тишину. Юнус и сестры после долгого кочевья снова в родном Итиле. Домой, быстрее домой, в родную юрту, мимо рынка, мимо городской бани, мимо синагоги! Наконец-то они дома!

Стремительно откинутый войлок впустил в жилище порцию свежего воздуха. Юрта встретила вернувшихся пугающим молчанием.

– Мама, Микаэль, – утонул в пустоте голос Юнуса.

«Наверное, Микаэль задержался на рынке, а может, зашел

к Амине, – пронеслось в голове юноши. – А где же мама?» – пугающе екнуло сердце.

От этой непонятной пустоты, в которой не хватало живого человеческого присутствия, веяло холодом. В жилище, всегда таком теплом и уютном, не пахло ни свежеиспеченными лепешками, ни кумысом, а только пыльным войлоком и овечьей шерстью...

Микаэль вернулся домой вечером, когда солнце уже спустилось за оком. Наконец-то после долгих дней одиночества дома ждали его три любящих сердца. Братья обнялись после долгой разлуки.

– Мама умерла... Еще весной... Вскоре после того, как вы уехали, – опередил Микаэль неизбежный вопрос Юнуса. – Она страдала недолго.

И сестры, и Юнус глядели на Микаэля сквозь внезапно проступившие слезы. В их немом укоре Микаэль безошибочно прочел сожаление о том, что они так долго находились в неведении.

– Вы были во многих фарсах отсюда, – тихо промолвил он, – не было возможности сообщить вам... Для вас она жила дольше, – тяжело вздохнул юноша.

В этот вечер братья засиделись допоздна. Микаэль поведал, как он провел одинокое для него лето без матери. Как тяжело отозвалась в его сердце весть о внезапной кончине их отца – кагана Истани, и что Юнус не ошибся в своих тревогах, когда стоял коленопреклоненным перед све-

жей усыпальницей солнцеподобного. Помолчали, наполняя пространство грустными думами. Затем опять завели длинные разговоры обо всем. Юнус рассказывал, как прожили они долгие месяцы кочевья, как трудно дался им даже этот скудный урожай, поделился мыслями, что хочет отправиться с торговым караваном в чужедальные страны. Может, удастся ему сделать семью немного богаче? Микаэль, слушая, то одобрял брата, то сомневался, стоит ли тому уезжать из Хазарии, получится ли у него собрать необходимые для торгового каравана дигремы.

– Я постараюсь найти выход, – с жаром выдохнул Юнус, – мне помогут.

– Кто? – не удержался Микаэль от скептических ноток в голосе.

Тогда Юнус рассказал ему о случайных ночных постояльцах, застигнутых суховеем в степи.

– Я хочу стать торговым человеком, Микаэль, – Юнус пристально посмотрел брату в глаза, – я хочу увидеть другие страны, большие города. Говорят, там люди живут в каменных дворцах, как наш малик-хазар. Я хочу привозить диковинные товары и сделать нашу семью богаче. – Юнус обжигал брата словами.

И все-таки ночь, невольная свидетельница жаркой беседы братьев, встретившихся после долгой разлуки, распростерла над ними свое покрывало грез, отяжеляя веки, притупляя мысли. Но можно ли было назвать сном то состояние, в ко-

тором прибывали братья, находясь под впечатлением недавней встречи?

На Микаэля нахлынули воспоминания. Он то забывался, и перед ним представала мать, молодая, веселая, то вздрагивал вдруг, слыша, словно отец окликал его по имени. Он открывал глаза и встречал лишь вязкую темноту ночного жилища. Все же он был рад возвращению с кочевья брата и сестер.

Юнус провел всю ночь не смыкая глаз, глядя в войлочный потолок. То слезы застилали ему глаза от невосполнимой потери матери, то вспоминал он ночных постояльцев с кочевья. Он надеялся, что найдет их в городе и уговорит взять его с собой в другие страны...

Наутро Юнус, дружески хлопнув по плечу брата, что укладывал в тележку лаваша для продажи, отправился на рынок, разузнать, по какой цене уйдет выращенный им урожай.

Смешавшись с базарной утренней суетой и толкотней, Юнус, проходя меж рядов многочисленных торговых лавок, неторопливо рассматривал пестроцветье товаров, вслушивался в многоязыкость речи. На базарных пристанях Итили вели погрузку торговые суда. Муравьиными дорожками тянулись к ним вереницы грузчиков. Грузили хазарский скот, рыбий клей, кожу, рыбу, чтоб наутро отправиться в Константинополь, Александрию. Через хазарские базары из Руси в Волжскую Булгарию провозили меха – болгарских соболей, русских куниц, буртасскую лисицу.

Рядом бойко вели торговлю бледнотелые, светловолосые купцы. По всему было видно: с северных стран пожаловали они в Хазарию. Наперебой хвалили кто воск и мед, кто янтарь, кто клинки мечей.

Юнус знал: недолго задержатся эти товары в Хазарии, за многие дигремы уйдут они на рынки Персии, Хорасана, Византии, а то и вовсе в обмен на них поступят из Багдада, Джурджании, Бухары шелковые ткани, серебряная монета и рабы.

Юнус, проходя мимо разноцветья торговых рядов, рассматривал товары, приценивался и представлял себя на месте этих купцов, что так умело вели торг, так уверенно смотрели в будущее.

Чья-то тяжелая рука опустилась на плечо Юнуса, внезапно прервав его грезы.

– Здравствуй, Юнус. Вот и свиделись.

Юноша обернулся. Перед ним стояли Муса и Израил.

Юнус не верил своим глазам. Он не ожидал встретить своих кочевых знакомых так быстро. Он думал, что потратит на их поиски не один день. Само Провидение посылало ему этих людей! Они участливо расспросили Юнуса о том, когда вернулись они с кочевья, какой собрали урожай, не забыли спросить и про здоровье матери. Это особенно тронуло Юнуса. Он поведал им обо всем, что случилось, посетовал на скудость урожая и что ему, как старшему, стоит подумать о лучших заработках. Его знакомцы участливо взды-

хали, словно соперевживали вместе с ним. Про себя они рассказали, что собираются совершить выгодный торг и на днях отправляются с караваном в Александрию. Сборы почти закончены. Дело осталось за малым – найти надежного проводника. Израил вновь с увлечением рассказывал, как красива Александрия в вечерних лучах заката, какие богатые торговцы ведут торг на ее рынках. Муса, подхватив разговор, расхваливал рыбий клей, что повезут они на продажу. Такой знатный клей поможет им увеличить их доход вдвое, а значит, привезут они вдвое больше товаров.

Рассказывая о торговых делах, Израил и Муса вели беседу так, будто Юнус и не стоял рядом. Словно забыв про него, торговцы собрались было уходить. А он, Юнус? Он опять останется один, и луч надежды, что так неожиданно ярко вспыхнул, вновь угаснет? Нет, он не может этого допустить!

– А как же я? – импульсивно воскликнул Юнус.

Торговцы с недоумением посмотрели на юношу, будто совсем не понимали его. А что, если они и вовсе не собирались понимать его, а то участливое общение всего лишь долг приличия? Но Юнус не мог потерять такой шанс. Быть может, он был единственным?

– Помните, я говорил вам, что хочу стать торговым человеком? Не уходите, по стойте. Я прошу вас, возьмите меня с собой в Александрию!

– Юноша, – отечески назидательно промолвил Израил, – мы рады взять тебя в Александрию, но какие товары ты возь-

мешь с собой на продажу?

Юнус, запинаясь на каждом слове, стал объяснять, что его товар – выращенное им на кочевье зерно. Торговцы лишь усмехнулись наивности его слов.

– Твоего урожая едва ли хватит на один базарный день. А что ты будешь делать дальше? – задумчиво прищурил глаза Муса, проницательно глядя в самую душу юноши.

Юнус сник. В один миг рушились все его надежды, так внезапно зародившиеся на кочевье. Неужели навсегда останется он бедным торговцем лавашей? Муса и Израил многозначительно переглянулись.

– Не печалься, юноша, – видя, как расстроился Юнус, успокоил его Израил. – Выход есть. Мы видим твое чистое сердце. Мы поможем тебе. Но... может случиться, и тебе придется пойти на некоторые уступки...

– Или нам понадобится твоя помощь, – довершил слова Израила Муса.

Юнус не верил своим ушам. Его мечта осуществится! Он станет торговым человеком! Ради этого он готов был на любые условия.

XVI

Трое вышли из ворот рынка и направились вдоль улицы, минуя синагогу. Свернув в сторону городской бани, они прошли еще немного и оказались около мусульманской мечети.

Миновали главные ворота, остановились у маленькой калитки, которую Юнус заметил не сразу.

Муса трижды ударил в деревянную колотушку. К калитке вышел человек. Пока Муса что-то тихо объяснял привратнику, Израил и Юнус стояли чуть поодаль. Видимо, привратник удовлетворился объяснениями Мусы. Этого хватило, чтобы им разрешили пройти через мечетный двор к небольшой постройке. Здесь, как сказал Муса, жил муфтий. И опять Израил с Юнусом остались стоять в стороне, а Муса скрылся за закрывшейся за ним дверью. То короткое время, что отделяло их друг от друга, показалось юноше нескончаемо долгим, но он полностью доверял своим новым знакомым, поэтому терпеливо ждал. Наконец, их пригласили войти. Хозяин жилища – мусульманин средних лет – встретил Юнуса весьма доброжелательно. Вместе с Мусой и Израилом Юнус рассказал муфтию, что хочет стать торговцем, но его урожай настолько скуден, а доходы мизерны, что и нечего мечтать о том, чтобы идти с товаром торговать на заморские чужестранные рынки. Муфтий участливо качал головой. Пока Юнус ведал ему свою историю, он то вздыхал, то, потирая переносицу, смотрел сквозь Юнуса.

– Юноша, я могу тебе помочь, – сильно растягивая слова, словно они давались ему с трудом, произнес священнослужитель, – но при одном условии, и это условие обязательное. Мы часто помогаем нашим торговцам, когда у них возникают денежные затруднения. Мы поможем и тебе, но только

если ты будешь нашим торговцем. – Слово «нашим» муфтий особо выделил. Юнус не понимал, что от него хотят, но он был согласен на все. – Мы помогаем лишь правоверным. Ты получишь необходимые деньги, если станешь правоверным... – Муфтий вновь сделал упор на последних словах, пристально глядя в глаза Юнусу.

Как только до сознания Юнуса дошел смысл так осторожно сказанного муфтием, его дыхание перехватило. Ему предлагают предать его веру? Или он что-то не понял? Это звучало так, словно речь шла о чем-то простом и незначительном.

– Решайся, Юнус, – шепнул ему Израил, – караван уходит на днях.

Юнус обратил взор на Израила, затем на Мусу, словно искал у них поддержки. Но те лишь улыбались ему. Он перевел взгляд на священнослужителя. В его невозмутимости сквозило еле уловимое желание удалиться от внезапных посетителей. Или это казалось Юнусу? А может, молчание Юнуса слишком затягивалось, что совсем не нравилось муфтию? Юнус понимал, чем дольше длилась пауза, тем слабее становился его единственный шанс получить такие нужные ему деньги.

– Я согласен... – едва выдавил из себя юноша.

Его новые друзья вздохнули с еле заметным облегчением, а муфтий довольно улыбнулся. Юнусу предложили некоторое время пожить в мечети, дабы обдумать столь серьезный шаг. Он и сам этого хотел. Хотя он еще не вполне понял, ка-

кой крутой поворот предстоял в его судьбе, еще полностью не осознал важности и ответственности своего поступка, но идти домой он все же не решался. Для его близких его отречение от иудейской веры во имя Аллаха, а точнее, во имя тех дигремов, из-за которых он шел на это, было предательством. И вряд ли сейчас поймет Микаэль, что это он делает ради них, чтобы сделать их чуть богаче. Наверное, самым лучшим для него сейчас было пожить в мечети.

XVII

Юнуса поселили в крошечной камерке – глиняной мазанке на заднем дворе мечети. Постелью ему служила старая кошма из верблюжьей шерсти, небрежно брошенная на земляной пол. За дни, проведенные в стенах мечети, он узнал некоторые обычаи и нравы мусульман. Он наблюдал, как исправно с самоотречением пять раз в день совершали они намаз, как платили закят²⁰ и щедро отдавали садака²¹.

За эти дни он не виделся ни с Мусой, ни с Исраилом, зато дважды к нему в камерку приходил муфтий, и они беседовали о смысле бытия, о душе, о земных и неземных ценностях, о том, что истинно, а что ложно. Некоторые вещи казались Юнусу непостижимыми, и он подолгу размышлял но-

²⁰ Закят – обязательный налог на имущество и доходы, который должен расходоваться на нужды общины и её прихожан.

²¹ Садака – добровольные пожертвования.

чами над узнанным, ворочаясь с боку на бок на старой кошме. Ночи походили одна на другую.

Проведя предыдущую ночь в раздумьях, сейчас Юнус погрузился в тяжелое, без снов и ощущений забытье, словно провалился в черную всепоглощающую бездну. Сколько времени находился он в ее железных объятиях, понять было трудно. «Юнус», – услышал он где-то над собой звонкий женский голос. Он донесся откуда-то из глубины сознания, словно вырвался из вязкости той стороны бытия. Юноша вздрогнул. «Мама...» Сна словно и не бывало. Темнота, смешанная со звенящей тишиной ночи, вдавливала в верблюжью кошму не отдохнувшее тело Юнуса. Кошма пахла кочевьем. Юнусу захотелось вдруг домой. Мама... Сердце сжалось в ледяной комок. Домой... Нет... Домой он придет позже, когда заработает свои первые дигремы. Он положит их перед сестрами, перед Микаэлем и все им объяснит. Они поймут его.

И снова Юнус погрузился в раздумья, и снова в его голове метались мысли о доме, об умерших родителях, он видел себя путешественником в дальних странах, торговцем, следующим с караваном торговыми путями.

Постепенно кромешная темнота ночи стала бледнеть, пропуская сквозь скудное под потолком отверстие в стене каморки брезжащий свет утренних сумерек.

До слуха донесся глухой звук шагов. Юнус сел.

– Как спалось? – разрезал тишину бодрый голос Мусы,

возникшего в проходе каморки из молочной густоты раннего утра. Он, улыбаясь, смотрел на юношу. – Утро, Юнус, нас ждут большие дела! Ты не передумал?

– Нет, – твердо ответил Юнус, поднимаясь с кошмы. От ощущения скорых перемен сердце его беспокойно забилося.

Они вошли в просторное высокое помещение мечети, устланное по полу шерстяными коврами с ярким восточным орнаментом. По обеим сторонам помещения прижимались к стенам две деревянные лестницы. Их гладко отшлифованные ступени вели к верхнему ярусу мечети. Юнус несмело остановился у входа.

Как требовали законы ислама, Юнус снял обувь и вошел внутрь мечети.

Только теперь Юнус заметил в глубине помещения разговаривающего с муллой Исраила. Юноша ступил на мягкие теплые ковры. Шаги казались ватными. Исраил обернулся в их с Мусой сторону, улыбнулся им и жестом подозвал к себе.

К Юнусу подошел муфтий и положил ему на плечо ладонь, жестом повелевая опуститься на колени.

Он повиновался. Над его головой полилась нескончаемая вязь незнакомой ему молитвы. «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Скажи: Он – Аллах – един, Аллах, вечный; не родил, и не был рожден, и не был Ему равным ни один!» Слова омывали его ручьем новой, еще неведомой ему веры, словно стирали старые иудейские каноны, навсегда отрезая Юнуса от прежней жизни. Сейчас он не думал о доме,

его даже не мучили угрызения совести. Его мысли витали в призрачном будущем. Он грезил дальними странами и туго набитой дигремами мощной.

По обе стороны от него стояли Муса и Исраил – покровители и устроители его нового земного пути. Юнусу хотелось взглянуть на них, увидеть их лица, ощутить их поддержку, но торжественность церемонии не позволяла ему сделать этого, и он, склонив голову, безропотно повиновался речению мусульманской молитвы, которая, окутывая его своей пеленой, увлекала в лоно Ислама. Крайняя плоть его была обрета еще при рождении, и теперь лишь шахада²², вознесенная к Небесам, испрашивала Создателя приобщить Юнуса к мусульманской вере.

Голос муфтия смолк. В мечети воцарилась тишина. Юнус поднял голову. Муса и Исраил смотрели на него, тепло улыбаясь.

– Аль-хамду лиллях²³. Поздравляем тебя, Юнус, – хлопнули они его по плечу, – теперь ты мусульманин. Достоинно носи это звание!

Совершив обряд посвящения, муфтий удалялся. Юнус провожал его растерянным взглядом. Во время обряда, он думал лишь о том, какие товары он купит. Он уже представлял себя торговцем, идущим с караваном в Александрию... А сейчас муфтий удалялся!

²² Шахада – молитва.

²³ Аль-хамду лиллях – хвала Аллаху.

– Ни о чем не беспокойся, – угадав растерянность юноши, успокоил его Муса.

Трое, выйдя из калитки мечети, свернули в сторону огородов, словно не желали окунаться в городское многолюдье. Там жил народ победнее, да и юрты были не так многоцветны и нарядны. Вышли за городские стены. По мере то как они шли, к Юнусу приходило осознание содеянного, но некоторые зачатки угрызения совести, не успев зародиться, тут же умирали, перед предвкушением заманчивых событий его новой жизни, тем более что Юнусу не нужно было ни о чем волноваться. Его новые друзья обещали сами закупить необходимый товар и крепких молодых верблюдов. Юнусу оставалось лишь полностью им довериться и ждать.

XVIII

Море было спокойно. Солнце еще не встало, а лишь едва осветлило перед собой путь утреннего восхождения над горизонтом. Накинув на все бледную пепельную мантию легкого тумана, воздух дышал осенней утренней прохладой. В безветренной тишине, необычной для ширванской осени, слышны были лишь ритмичные всплески воды, потревоженной врезающимися в нее веслами кораблей.

Похожие на больших гусениц, окруженные множеством спешащих за ними рыбачьих лодок-водомерок, они неспешно ползли от прибрежных крепостных стен Шабрана к ост-

ровам, где спокойно и безнаказанно расположились посягнувшие на их земли и жизни ненавистные русы.

Наспех собранные купеческие суда, рыбацьи лодки и примитивное оружие, составленное из ножей, самодельных пик и камней, – все, с чем вышли на битву с врагом жители Ширвана.

Офа, с небрежно остриженной головой, в мужском одеянии, напоминая скорее юнца, чем женщину, стояла на палубе купеческого судна и старалась рассмотреть едва означившиеся на горизонте острова. Она была не одинока в своих устремлениях. Десятки, сотни глаз искали взглядом абрисы островов.

Офа оглянулась. Позади нее на корме внушительным навалом высилась груда собранных камней. Офа сжала кулаки, стиснула зубы и снова устремила взгляд к островам.

Весельники старались изо всех сил. «И раз... и два... – звучало в такт взмахам весел. – И раз... и два...» Острова все ближе, все различимее разбросанные вдоль их берегов боевые суда русов. Мелкими черными точками уснувших насекомых кажутся они издали.

Но что это? Приглядевшись лучше, Офа увидела, что в стане иноземцев спокойствие сменилось движением. Ширванские весельники успели отсчитать всего несколько десятков ударов весел о воду, а от островных берегов уже двинулась на них армада русских судов. С каждым взмахом весел они становились все зримее, все ближе. С каждым взмахом

весел расстояние между противниками сокращалось, а напряжение возрастало. «И раз... И два...»

Офа обернулась назад, к берегу ее Шабрана. Узкой полосой между лазурью неба и лазурью воды тянулось побережье Ширвана, ее, Офы, страны. Ее, и тех, кто шел сейчас на мирных рыбачьих судах и лодках дать отпор русскому войску, посягнувшему на их свободу.

«И раз... И два...» Вот уже стали видны на вражьих ладьях люди. Словно муравьи, суетились они на палубах своих посудин. Все короче расстояние между ними.

Над ухом Офы просвистела стрела. Потом еще одна, и еще... От неожиданности женщина вздрогнула. Рука сама потянулась к куче булыжников... Все на их судне пришло в движение. Десятки рук тянулись к камням. Из самодельных луков в сторону русов посыпались стрелы. Заостренные пики держали наготове.

Еще немного. Пусть чуть ближе подойдут русские ладьи, и тогда Офа бросит свой камень в ненавистного руса, убившего ее детей и мужа.

Чем прогневили Всевышнего жители Шабрана? За что подверг Он их столь суровым испытаниям? За что вручил в руки русов небесный огонь, что один за другим нещадно пожирал мирные, превратившиеся в боевые посудины ширванцев?! Не в силах больше бороться, обуянные пламенем суда медленно скрывались в бездонной морской пучине. И палуба судна, где находилась Офа, уже охвачена могучими

языками пламени. Неподготовленные к боевым сражениям мирные люди не знали: сражаться им с врагом или тушить пожар.

Офа растерялась: что делать. Она оглянулась вокруг. Корабли русов подходили к их беспомощным рыбацким судам на недопустимо малое расстояние. Они метали в ширванцев огромные огненные шары, и уже ни одно судно занялось неукротимым жарким пламенем. На многочисленные лодки, снующие мелкими насекомыми меж судов, посыпался дождь горящих стрел.

Наспех собранное из мирных жителей Ширвана войско, двинувшееся против русов, терпело невосполнимые потери. Теперь оно представляло собой беспомощно разбросанные по морской глади горящие факелы рыбацких судов и брызги искр полыхающих лодок.

Фирангиз стояла на берегу вместе с другими жителями Шабрана и наблюдала ужасное зрелище несостоявшейся битвы. Она видела, как один за другим вспыхивали немногочисленные ширванские суда, как ярко они горели, как постепенно, сраженные огнем, уходили они под воду, не оставив ни дыма, ни пепла.

Фирангиз еще не знала, что ее безумная, но отважная подруга в те минуты металась по палубе одного из рыбацких судов в надежде спасти от гибели уже не посудину, а себя, но пламя, накренившее судно, не давало ей ни единого шанса. Морская пучина, тянула беспомощную лохань на дно, увле-

кая туда же и несчастную Офу. Факелы горящих судов, отпыхав, гасли один за другим.

Русские ладьи, которые только что так быстро расправились с пытавшимися защитить себя ширванцами, не повернули назад к островам, а, подминая под себя оставшиеся на плаву лодки, не представлявшие для них никакой угрозы, устремились к крепостным стенам Шабрана.

Фирангиз с ужасом смотрела на приближающееся полчище. «Скорее, скорее назад, в изложину!» И снова нужно было прятаться, чтоб кровожадные руки русов, отнявшие у них и близких, и жилища, не смогли бы дотянуться еще и до их, ничего не стоящих теперь жизней...

XIX

С наступлением осени Итиль вновь становился многолюдным. На зимовье с кочевий в город съезжался народ. Расположившись по обоим берегам реки, Итиль делился на три части, на три города. В одном жила главная жена малик-хазара. Жила она отдельно, своим двором и укладом. Сейчас, вместе с малик-хазаром Вениамином, каждый со своей свитой, возвращались они с летнего кочевья домой.

Город, в котором проживала царица вместе со своими прислужниками и евнухами, тянулся и вдаль и вширь, вместе со всеми пригородами и примыкающими к нему деревнями, более чем на пятьдесят фарсахов. Эта была восточная

и самая большая часть Итиля. В ней селились иудеи и исмаилитяне, христиане и мусульмане, купцы и прочий торговый люд. Здесь находились склады с товарами. Здесь велась торговля.

На другой стороне реки раскинулась другая часть Итиля, другой город. Он был немного меньше, во все стороны света всего восемь фарсахов. Туда после летнего кочевья возвращались в эти осенние дни князя со своими приближенными служителями и рабами. Здесь, в западном городе, располагалось и войско малик-хазара Вениамина.

Сам малик-хазар жил в третьей, самой малой части Итиля, в самом маленьком городе, в длину и в ширину занимающего всего три фарсаха. Город этот располагался на острове посреди реки. Поля, виноградники и все, что нужно было беку Вениамину, умещалось на этом острове. Вениамин жил в большой роскоши. На краю острова находился его каср²⁴. В отличие от других строений Итиля, он был возведен из обожженного кирпича, чего не дозволялось делать больше никому. Каср утопал в зелени раскидистых крон многочисленных деревьев.

Сюда, на этот маленький остров, проникнуть можно было лишь по наплавному мосту, или на речных судах, что делало бека Вениамина недосягаемым для простолюдинов. Однако все, что происходило в Итиле, достойное и недостойное царственных ушей Вениамина, его подданные несли ему на суд.

²⁴ Каср – дворец.

Закончилось летнее кочевье, и каср малик-хазара вновь стал многолюден. Былое размеренное спокойствие сменилось заметным оживлением. Светская жизнь осевшего на зиму дворца наполнилась новыми событиями, интригами придворного люда.

Но вся эта мишура, внося особый колорит в дворцовую жизнь, ничуть не мешала Вениамину править, а всего лишь вносила некоторое разнообразие в мерное течение времени. Едва Вениамин ступил в родные стены касра, как все дворцовые тайны, что родились в его отсутствие, сами потекли ему в уши. Вдоволь наслушавшись наушников, правитель приступил к делам государственным. Скоро заканчивался траур по усопшему кагану Истани. Приемник его был уже выбран, хотя сам все еще прибывал в неведении. Но малик-хазар уже все решил, и теперь оставалось лишь назначить день церемонии посвящения.

В час, когда Вениамин велел пригласить к нему Ибрагима, тот, имея важное донесение для своего господина, сам спешил к нему на встречу. Вместо привычной благожелательности, сейчас на его лице сквозила обеспокоенность. Как и подобало подданному, Ибрагим терпеливо выслушал малик-хазара. Но ответ его ошеломил правителя. Ибрагим поведал ему о том, что днями в синагоге был обращен в мусульманство Юнус. Да, тот самый Юнус, о котором так жарко спорил совет малика на летнем кочевье! Тот самый Юнус, потомок древней династии Ашина, который вскоре должен

был занять трон Верховного кагана Хазарии! Давно стены касра не сотрясались от столь неуправляемой ярости повелителя. Широкими шагами мерил он небольшие апартаменты, что скрывали его от лишних глаз и ушей, где часто проводил он многие часы в беседах с Ибрагимом. Внезапная, необузданная ярость Вениамина громила гневом пространство и все, что попадалось сейчас на пути малик-хазара.

Чтобы не навлечь на себя еще больший гнев, Ибрагим покорно молчал. Он уже остерегал малика от обсуждения на совете фигуры будущего кагана. Его опасения оказались не напрасными. Пока он не знал наверняка, и, вглядываясь в каждого, никак не мог понять, кто же в их стане чужак.

Словно что-то вспомнив, Вениамин застыл на месте. Его остекленевший взгляд остановился на Ибрагиме. Правитель пытался справиться с нахлынувшими на него эмоциями, но сейчас это было превыше его сил. Ибрагим не проронил ни слова. Повелитель, любивший своего подчиненного как друга, который прослужил ему верой и правдой не один год, понимал Ибрагима с полувзгляда. Их мысли всегда текли по одному руслу. Да и к чему были слова, если и так было понятно, что Арабский Халифат, словно точащий ствол червь, сумел проникнуть в самую сердцевину родового древа династии Ашина, что Арабский Халифат точно знал, кто сменил усопшего кагана Истани на его опустевшем престоле. И что теперь нужно было предпринять, дабы удержать слабеющее влияние Хазарии среди других стран и племен? Буду-

щий приемник Истани предал иудейскую веру и ступил на путь ислама! Но каганом Хазарии мог стать лишь иудей! И снова взрыв ярости:

– Я прикажу стереть с лица земли минарет на соборной площади Итиля! Я прикажу казнить муэдзинов!..

– Что нам даст разрушенный минарет, о повелитель? – как можно спокойнее спросил его Ибрагим, пытаясь направить мысли Вениамина в более рациональное русло. – Разрушь лучше мечеть, пусть это будет уроком мусульманскому Халифату.

– Право же, если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной не порушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть! – с жаром отозвался Вениамин.

Желаемыми погромами вряд ли можно было выбраться из той западни, в которую заманил хазарского правителя Арабский Халифат. Вениамин и его подданный это хорошо понимали. Ни гнев, ни эмоции не способны были исправить положение. Трезвые мысли и светлый разум нужны были здесь и сейчас, дабы завтра Итиль узнал имя нового кагана Хазарии. Но теперь уже никто иной, кроме Вениамина и Ибрагима, не мог участвовать в обсуждении этого важного для страны решения. Никто не должен догадаться о том смятении, в которое вверг Арабский Халифат правителя Хазарии. Ни один простолудин не должен узнать о том, что тот, кто совсем скоро займет престол, – спешная, но достойная звания кагана замена, предавшего веру восприемника. Сделать

все это надлежало быстро. Ибрагим сам взялся за дело.

XX

Вдоволь насытившись грабежами и пролитой кровью мирных жителей прибрежных городов Гирканского моря, русы, утомленные долгими походами, нестройным караваном многочисленных военных судов подошли к устью Итили. Много добычи на бортах их ладей – и награбленные монеты, и драгоценные украшения, и скот, и рабы. Ничем не гнушались они, когда безжалостно грабили мирных людей, до той поры никогда не знавших поработителей.

Чувствовали русы силу свою, а с ней и охальную безнаказанность. Что им мирные города слабых прибрежных стран, коли сам властелин Хазарии беспрепятственно пропускает их через земли своей страны, лишь бы не навлечь на себя гнев! Но не столь могутны русы, чтобы не помнить уговор с малик-хазаром Вениамином. Для того и пришли они в устье Итили, дабы положить к ногам его условленную долю добычи, а значит, заручиться будущим разрешением Вениамина и впредь проходить через его земли туда, куда поманит их разбойничье нутро.

Встречный осенний ветер обдувал холодным влажным воздухом грубые деревянные борта кораблей. Он играл парусами и прядями спутанных и выцветших на солнце волос разбойников.

Вошли в широкую протоку. Далеко еще до основного русла Итили. Из множества рукавов соткана дельта, то глубоких, то мелких, словно множество артерий и мелких капилляров, питают они сердце Гирканского моря. Не заплутать бы! Найдет судно на мель, всем миром не сдвинуть. Здесь глаз остро держать надо. Течение Итили сильное, полноводное. Трудно груженным награбленным добром ладьям идти вверх по реке к столице Хазарии. Да ничего! Как отдадут треть установленной добычи хазарскому правителю, так немного легче станет. Добраться бы до Бузана²⁵, а там и до дома недалеко. Устали русы от скитаний. Удовлетворили свой разбойничий дух. Равнодушно взирают они на берега, то поросшие густым ивняком, то обнаженные до самого окоема выжженной осенней степью. Не замечают исподволь взвизгивающих на них с берегов чьих-то редких случайных глаз. Пока русы покоряют течение, медленно приближаясь к столице Хазарии, весть о том впереди них спешит. Птицей летит к касру малик-хазара.

Пичуга в золоченой клетке залиvisto пела. Виртуозно выводя коленца, ее ярко оранжевое горлышко то раздувалось, то вдруг истончалось грациозностью божественных линий. На мгновение смолкнув, птаха, привыкшая к неволе, вновь заливалась замысловатыми трелями.

Вениамин, облокотясь на многочисленные шелковые по-

²⁵ Бузан – по мнению исследователей Хазарии, в частности Б.А. Рыбакова, река Бузан отождествляется с Доном, ограничивающим Хазарию с севера и с запада.

душки, слушал ее звонкое пение. Повелитель Хазарии пребывал в состоянии ленной истомы, когда не хочется думать ни о силе Византии, ни о происках Халифата, не слышать наушных речей приближенных, не видеть их подобострастных улыбок и поклонов, а просто быть наедине с собой, наслаждаясь замысловатыми руладами маленькой беспомощной птицы.

Он приказал не тревожить его. И никто не посмеет нарушить покой малик-хазара, если только не... Дрема... Сладкая дрема облаком опустилась на веки... А птаха все поет, все заливается...

Правителя разбудил голос его приближенного. Вениамин открыл глаза, раздраженно взирая на того, кто осмелился нарушить его покой.

– Бек, Вениамин, арсии настойчиво просят их принять, они возмущены и возбуждены. Они просят твоего дозволения выслушать их сейчас, – взволнованно сообщил вошедший. – Они даже не просят, они требуют принять их. Большой толпой собрались они у ворот касра и, думается мне, не уйдут, пока ты не выслушаешь их, мой повелитель.

Истома, властвующая над Вениамином, покинула его столь же внезапно, сколь и завладела им некоторое время назад. Он вскинул на приближенного настороженный взор:

– Пусть войдут, но не все... – после некоторых раздумий согласился он. Приближенный удалился.

Вскоре покои повелителя Хазарии наводнила толпа арси-

ев.

– Мой повелитель, – просочившись сквозь нее, приближенный шептал малик-хазару на ухо, – они не управляемы, они не воззрились на запреты и прошли к тебе толпой.

Вениамин был возмущен, но взгляд его излучал лишь спокойствие. Выразительным жестом величественной руки пригласил он вошедших к беседе.

– О повелитель, – начали разговор вошедшие, – мы твои воины. Мы преданы тебе. Каждый из нас готов положить за тебя жизнь. Мы просим выслушать нас. Русы вошли в устье Итили. Они везут тебе дань и со дня на день будут здесь. Мы, твои арсии, представители тех мусульман, что стоят сейчас под стенами касра, и тех, кто не может быть допущен даже в твой город. Мы, мусульмане, просим твоего дозволения преградить путь русам и отомстить им за все зло, за все бесчинства, которые они творили на землях наших единоверцев. Они разбойничали в странах наших братьев мусульман, проливали кровь, порабощали женщин и детей. Разреши нам расправиться с этими людьми.

В воздухе застыла пауза. Вениамин молчал. Он не мог не прислушаться к требованиям своего народа, но идти против крепнущих русов тоже было не в его интересах. Пауза затягивалась. Наконец Вениамин произнес:

– Что ж, пусть будет так. Я разрешаю вам преградить путь русам.

Среди арсиев прокатился шепот одобрения.

Птица напуганно металась по клетке, цепляясь острыми коготками лапок за золоченые прутья. Вениамин накрыл клетку тонким шелковым платом, и птаха понемногу успокоилась. Вениамин задумался.

Он только что разрешил арсиям отомстить русам. Он полностью разделял их чувства и их желания, но, защищая интересы Хазарии, должен был заботиться и о ее безопасности. У русов много оружия и кораблей. Они сильны. Хотел того Вениамин или нет, он должен был считаться с русами. Если вдруг в борьбе с ними его арсии потерпят поражение, позиции Хазарии должны остаться прочными. И здесь он приневолен был вести двойную игру. Он, Вениамин, вынужден был предупредить русов о грозящей им опасности. Только так он мог сохранить свои интересы.

Стены касра не пропускали в покои Вениамина звуки шумного волнения мусульман. Теперь, после разрешения Вениамина дать отпор русам, город оживился. Жестокость, безнаказанность русов озлобила против них и христиан. И теперь, стирая грани религий, они вместе готовились к встрече с ними.

XXI

Пятнадцать тысяч хазарских всадников стояли по обоим берегам Итили в ожидании русских ладей. Несмотря на многочисленность войска, в воздухе осенней хазарской степи ви-

села напряженная тишина. Ее нарушал лишь гуляющий по степным просторам ветер да крики пролетающих мимо птиц.

Арсии ждали. Готовые к бою копыта устремили свои заостренные пики к солнцу, словно испрашивая у светила благословения на битву.

Вдали показались русские ладьи. Они двигались, тяжело преодолевая течение, но каждый взмах весел неминуемо приближал их к расплате. «Наша плата хазарам – треть добычи», – итожили русы. «Плата русов за пролитую кровь – смерть», – выносили свой приговор хазары.

Ладьи русов все ближе. Все сильнее сжимают копыта арсии. Звоном давит на уши тишина. Кажется, слышен всплеск воды, ритмично тревожащих ее весел. Вот и русы заметили вышедших навстречу им хазар. Заметили и устремленные ввысь копыта.

Битва! Неминуема она. Но недооценивают русы хазарских арсиев. Привыкшие безнаказанно побеждать в грабительных набегах, не чувствуют они силы человеческой ненависти.

Спокойны арсии. Не шелохнутся возведенные в небо копыта. Лишь кони в нетерпении бьют копытами.

Русы возбуждены. Хоть и предупреждены они о готовящейся против них битве, возмущены все же: «Как смеют хазары препятствовать нашему пути?!»

Тупые удары деревянных килей о берег надвое разрезали тишину. Арсии спокойны. Лишь ветер треплет гривы коней.

Русы один за другим покидают ладьи. Берег темнеет от

шевеливающейся массы бегущих людей. С нашествием саранчи схоже их безрассудное наступление.

Солнце спряталось за большую свинцовую тучу. Оно отказывалось зреть эту битву. И день бьются воины, и ночь. И еще день, и еще ночь. Секут дуг друга мечи, вонзаются в плоть копья. Лязг металла, хруст плоти, свист стрел.

Уж земля покрылась мертвыми телами, не ступить на нее. Уж воды Итили багровыми стали от крови людской. Бурлит Итиль. Многих русов коль не меч, так река прибрала к себе. Три дня длится битва. Не на живот, а на смерть. Много полегло русов, много полегло и арсиев, но за кровь и поруганные жизни единоверцев биться надлежит до полной победы, до последнего вздоха.

...Битва была окончена. Много полегло хазарских арсиев, но русы – эти разбойники-варяги, были разбиты. Лишь малому числу их удалось уйти на кораблях вверх по Итили. Степь являла зрелище весьма удручающее. Она стала смертным ложем для многих воинов, уравнив правых и неправых.

Которую ночь Вениамин провел без сна. Мысленно находясь на поле сражения, он становился то на одну, то на другую сторону. Исход кровавого побоища ему сообщил Ибрагим. Правитель Хазарии смотрел на своего подчиненного воспаленными от бессонных ночей глазами и не знал, радоваться ему или печалиться.

XXII

Уже несколько дней Юнус жил у Мусы. Его странное жилище, в котором не предполагалось ничего лишнего, лишь циновка на полу да очаг, не было согрето женским теплом и походило скорее на временное становище, нежели на постоянное место жительства. Оно располагалось на окраине Итиля, за городскими стенами, где городской быт переплетался с бытом деревенским. Если бы Юнус не знал, что Муса богатый торговец, имеющий прочные связи с купцами других стран, он решил бы, что тот беден и безроден или специально устроил свое жилище вдали от любопытных людских глаз. После принятия мусульманства, Муса с Израилом сразу привели его сюда. С тех пор он еще ни разу не был в городе. Да ему этого и не хотелось. Он боялся встретиться с Михаэлем, не хотел ворошить то, к чему не было возврата. Когда он станет состоятельным купцом, тогда войдет в родную юрту и положит к ногам сестер дорогие подарки. Он даст им много дирхемов, и они заживут богато. А пока это время еще не наступило.

Вчера приходил Израил. Они о чем-то беседовали с Мусой. Говорили ему, Юнусу, чтоб подождал еще немного. Те люди, с которыми его должны познакомить, очень заняты и не могут прийти сейчас. Юнус не спрашивал, почему они должны идти к нему, а не он к ним. Его это устраивало. Ему

не хотелось многолюдья. Так проходило время – в тихой размеренности и неторопливости.

В один из дней в юрту Мусы вошел Израил. С ним были еще трое. Муса поприветствовал гостей и предложил расположиться у очага. По всему было видно, что все они были знакомы давно. Их короткие речи позволяли им понимать друг друга с полупфраз.

– Вот, Юнус, познакомься, это те люди, с которыми тебе предстоит совершить первое торговое путешествие, – указал на гостей Муса. Юнус глядел на них широко раскрытыми глазами. Он не верил, что казавшееся ему таким далеким и недостижимым в один миг воплотилось в реальность. – Это Кахтан, это Язид, это Нерсе. – Он по одному представлял их Юнусу.

Купцы смотрели на юношу несколько оценивающе, словно примеривали его к тому образу жизни, которым ему теперь предстояло жить.

– Наш торговый караван уходит с товаром в ал-Син²⁶ завтра на рассвете от западной окраины рынка, – пояснил Кахтан. – Если ты не передумал, юноша, мы возьмем тебя с собой. Не опаздывай.

Едва купцы покинули юрту, Юнус погрузился в раздумья. Он был сильно взволнован, и все больше от того, что еще прибывал в неопределенности по поводу обещанных ему муфтием денег. Муса с Израилом переглянулись. Настало

²⁶ Ал-Син – современный Китай.

время отдать Юнусу обещанное.

– Ты будешь торговать рыбьим клеем. Он высоко ценится за границей. Это поможет тебе встать на ноги, – подсаживаясь к юноше, начал вводить его в курс новых дел Исраил. – В торговом караване, с которым ты завтра отправишься в ал-Син, будут твои верблюды и твой товар. И во всем слушай тех людей, что сегодня приходили сюда. Они помогут тебе определиться с ценами и с выгодой продать товар.

Теперь к Юнусу подсел и Муса. Он пристально посмотрел ему в глаза:

– Ну вот, юноша, мы сделали все, о чем ты нас просил, но мы тоже хотим попросить тебя об одном одолжении...

Юнус не ожидал этих слов. Ему казалось, что он довольно заплатил, чтобы стать торговцем. Муса вновь перехватил его взгляд и словно прочитал взволнованные мысли Юнуса.

– То, что ты сделал, приняв ислам, было платой муфтию за капитал, который он дал тебе. Но все это устроили мы. И мы тоже просим тебя о некотором одолжении. Мы думаем, это будет не обременительно для тебя. Ты всего лишь будешь брать то, что мы тебе дадим, и отдавать тому, кому скажем. И от тех уважаемых будешь привозить нам то, что они с тобой передадут для нас. Вот и все. Сразу, как прибудешь в ал-Син, найди человека по имени Фахретдин и отдай ему вот это. – Муса вложил в руки Микаэля небольшой сверток. – Ни о чем не беспокойся. Мы найдем тебя везде.

Юнус настороженно посмотрел на своих знакомых. Но те-

перь он полностью был в их власти.

На рассвете от западной окраины рынка отходил в ал-Син торговый караван. С ним в свое первое торговое путешествие отправлялся и Юнус.

Муса и Исраил провожали взглядами груженные тюками спины верблюдов. Как только караван скрылся из виду, улыбаясь, они переглянулись меж собой:

– Все сделано как нельзя лучше, Махмуд.

– Ты прав, Муравия. Эмир будет доволен, пора и нам возвращаться в Мавераннахр.

XXIII

Микаэль не находил себе места. Прошло уже несколько дней, как Юнус ушел из дома и не вернулся. Когда землю накрыли сумерки, в сердце Микаэля поселилась первая тревога. В эту ночь обитателям юрты не спалось. Микаэль то прислушивался к лаю собак, то мерещились ему еле уловимые шаги. Но через некоторое время собаки, поперхнувшись, стихали, а мнимые шаги растворялись в ночной иллюзорности.

Наутро, едва забрезжил рассвет, Микаэль отправился на поиски брата. Он обошел весь рынок, заглянул в каждую юрту, побывал в синагоге, расспрашивал о брате всех знакомых и незнакомых, но никто не встречал Юнуса. Может, он утонул в Итили и полноводное течение унесло его тело далеко

от города? Может, люди, промышляющие разбоем, лишили его жизни? Но он небогат, и всяк видит, что взять у него нечего. Так что же случилось? Груз потери лег Микаэлю на плечи. Но дни шли, и ему нужно было обеспечивать жизнь себе и младшим сестрам. Поэтому каждое утро он катил на рынок грохочущую скрипучую тележку со свежее испеченными лавашами. Погруженный в свои невеселые мысли, он мало кого видел вокруг.

Утром, удрученный раздумьями, Микаэль прошел мимо хижины Амины, забыв занести ей хлеб, и теперь, отложив на дно тележки пару самых больших лепешек, решил зайти к ней на обратном пути. Девушка встретила его встревоженно. В ее глазах читалась обеспокоенность и что-то еще, чего Микаэль никак не мог разгадать. У Микаэля сжалось сердце. Последнее время судьба обрушивала удар за ударом, и ему уже стало казаться, что эти удары нескончаемы.

– Почему ты смотришь на меня так настороженно, Амина? – спросил Микаэль. – Или мне кажется? Я теперь во всем вижу плохое...

Отец Амины был на службе во дворце малика Вениамина, и Амина пригласила юношу в дом. Она усадила его перед собой:

– Утром мой отец ходил к западным воротам рынка. Он встречался там со знакомым караванщиком, что сегодня с караваном уже отправился в ал-Син. Он видел там Юнуса.

На Микаэля словно горячий ливень обрушился стеной,

обжигая жгучими струями лицо, проникая в самое сердце. Жив! А может, отец Амины ошибся? Разве мог его брат покинуть близких людей, не обмолвившись ни единым словом?! Что помешало ему прийти домой и рассказать обо всем? Мысли Микаэля металась от догадки к догадке.

Забыв проститься с Аминой, Микаэль возвращался домой, не зная, что ему делать, у кого искать поддержки. В его сердце в один клубок сплелись радость, что Юнус жив, и сомнения – правда ли это, подспудная обида на брата и желание увидеть его.

Ноги, привыкшие к утомительной постоянной ходьбе в поисках Юнуса, теперь вели его к западным воротам рынка.

Умерив базарную суету, вечер обезлюдил рыночную площадь. Только запоздалые торговцы и торговки собирали свой нехитрый скарб. Юноша подошел к воротам. Его встретила лишь непривычная для базарной жизни тишина. И за воротами Микаэль не нашел никого, лишь закатное солнце красило своими тусклыми лучами городские стены да постанывал ветер, застревая в щелях воротных досок. В этом угнетающем безлюдье витал дух утраты. Микаэль отрешенно смотрел на уходящую за оком дорогу. Ему казалось, что вечно убегающий горизонт отнял у него брата навсегда.

XXIV

Летит время перелетной птицей, и каждый взмах ее крыл

уносит в безвозвратность былое. Еще вчера достойный Рюрик вверил Олегу правление Русью за малого сына своего Игоря. Еще вчера многие мечты Олеговы не давали покоя его буйной голове и отважному сердцу. Но взмах крыла птицы-времени, и покорилось дружине Олеговой великое множество новгородцев, кривичей, веси, мери, чуди. И страны Днепровские, и Смоленск, и Любеч покорились ему. Еще взмах, и Олег, обогранный кровью Аскольда и Диры, победителем вошел в Киев-град. Вошел и утвердил: «Да будет Киев матерью городов русских!» Еще не один раз взмахнет крылом птица-время, прежде чем обретут прочную связь меж собой живущие в обширных русских владениях многочисленные племена, когда устремит князь Олег взор свой к берегам реки Припяти и освободит от власти козар Днепровских Северян, земли Витебские и Черниговские.

Летит птица. Крепнет сила Олегова, растет войско княжеское. Покоряются Олегу берега Днестра и Буга. Но и это не в досталь неумному в желаниях своих Олегу. Богатый Царьград не дает покоя князю. Поход затеял он на столицу греческую. Многие отважные воины в дружине его. И счету им – не меряно.

И великий поход на Византию, и победный щит на воротах Константинополя – все сокрылось под крылом птицы-времени. Лишь имя «Вещий», что дал народ князю Олегу, воспарило над суетой, утвердившись в веках, да письменный договор русских с греками, оставшийся в летописях на

веки вечные, показал миру, что русские имеют свои законы и «знают святость чести».

Тридцать три раза взмахнула крылом птица-время и унесла с собой в безвозвратность тридцать три года княжения Олега. Лишь в глубокой старости настигла князя смерть. Тогда княжить стал приемный сын его – Игорь. Славные дела Олега остались в сердцах и устах любившего его народа, да в летописях, в коих записан каждый взмах могучих крыл птицы-времени. Дружина же княжеская, созванная из варягов, пришедших на Русь, дабы участвовать в завоеваниях, в надежде обогатиться, за ненадобностью была распущена. Оставшись без княжьего надзору, разбрелась она по свету многими разбойничьими бандами. И гуляли теперь эти банды по земле, устрашая опустошительными набегами народы. Их влекли мирные прибрежные страны Гирканского моря.

Разнузданные безвластием варяги привыкли к победоносным завоеваниям славного князя Олега. Это их опасался Вениамин. Это им разрешал он проходить по хазарским землям в Ширван, Табаристан и другие страны. Именно с этой дружиной и вел сейчас малик-хазар двойную игру. Хоть и не было в этой славянской дружине ни одного славянского имени, все же некогда она была дружиной русского князя. И не хотел Вениамин ссоры с крепнущим русским государством.

Да, Хазария переживала не лучшие времена. Вениамину приходилось идти на многие уступки. Он был снисходителен к русским варягам, он мирился с проискаами мусульманско-

го мира и закрывал глаза на проповедников, которые весьма успешно насаждали ислам среди хазарских кочевников. Вениамин зависел от них. Хазария торговала с Ираном и Хорезмом, и это приносило ему, Вениамину, немалые богатства. В конце концов, хазарскими арсиями были наемные мусульмане. Вот только как смириться с тем, что Халифат уже запустил свои смертоносные щупальца в правящие верха Хазарии? Здесь Вениамин полагался только на Ибрагима. Он был уверен – Ибрагим все сделает в срок и никто не узнает, что будущего кагана пришлось избирать дважды. Халифат в этой игре потерпит поражение!

Вениамина беспокоила и Русь. Последняя битва хазарских арсиев с русскими варягами не давала малик-хазару покоя. Но волновало его еще и то, что в этой русской варяжской дружине были и те русы-язычники, что обитали в хазарской столице и служили ему, беку Вениамину. Он опять находился меж двух огней. И каков бы ни был исход этой битвы, проигравшим в ней все равно становился он, Вениамин, ибо русский князь Игорь не оставит без внимания эту битву. Пусть разгульная ныне дружина и не имела теперь отношения к государству российскому, но некогда она была княжеской...

Партия в шатранг²⁷ немного развлекла Вениамина. Он любил эту древнюю игру разума. Он с удовольствием просчи-

²⁷ Шатранг – одна из древних форм шахмат, пришедшая в V – нач. VI в. на смену ещё более древней военной игре, которая называлась чатуранга.

тывал ситуации, умело приводя противника к поражению. Это отвлекало его от удручающих мыслей о положении его собственной страны, которая, как на многоклеточном поле аштапады²⁸ была лишь фигурой в игре сторон, и там он, Вениамин, с трудом выбирал верные ходы.

Ибрагим был достойным соперником в игре в шатранг. Обыграть его требовалось умение. Он продумывал замысловатые ходы, в которых трудно было вовремя понять, куда поведет он своих воинов дальше. За партиями они часто вели серьезные беседы о судьбе Хазарии, о племенах, ее окружавших, об отношениях с соседними странами.

Сейчас Ибрагим, видя удрученное состояние правителя, старался ослабить свои позиции в игре и дать Вениамину шанс выиграть эту партию. Он знал, как по-мальчишески радовался малик-хазар, когда удавалось ему обыграть личного подданного. Ибрагим отдал ему фарзина²⁹ в расчете, что Вениамин поставит мат его королю.

– Мой господин. – Ибрагим снял с поля падати³⁰. – Киевский князь возмущен битвой на Итиле и грозитя ответить Хазарии вполне официальной войной.

Рука, занесенная над полем аштапады, чтобы сделать ход хасти³¹, застыла в воздухе. Лицо Вениамина сделалось мрач-

²⁸ Аштапада – 64-клеточная доска, пришедшая из военной игры чатуранга.

²⁹ Фарзин – в игре шатранг фигура, изображающая советника короля.

³⁰ Падати – в игре в шатранг – пеший воин, пешка.

³¹ Хасти – в игре в шатранг – слон.

НЫМ.

– Необходимо направить на Русь послов прежде, чем русский князь выразит нам свое недовольство, дабы разрешить без крови назревающий конфликт, – размышлял вслух Ибрагим.

Война с Русью ни коим образом не входила в планы Вениамина, и он в очередной раз согласился со своим верноподанным, предложив ему еще одну партию в шатранг.

XXV

День выдался пасмурным и хмурым. С отяжелевшего неба срывались холодные струи дождя. За войлоком юрты было зябко и слякотно. К вечеру дождь еще больше усилился. Микаэль уютно расположился на овечьих шкурах и пил с сестрами вечерний чай с пресными лепешками. Сестры о чем-то весело щебетали, пересмеиваясь между собой. Микаэль с отеческой заботой смотрел на их беспечную болтовню. Сегодня мысли его все время возвращались к Юнусу. Он часто вспоминал брата. Где он теперь? Почему судьба распорядилась так несправедливо, разлучив их? Груз непонятной потери лег на сердце юноши.

Смеркалось.

– Хозяин, – послышался голос за войлочным входом, – позволь войти.

В скромное жилище вошел человек. Одежда его вымокла

до нитки, и Микаэль пригласил незнакомца к очагу. По виду он был небогат, но его манера говорить сильно отличалась от речи простолюдинов. Незнакомец осведомился о здоровье хозяина, о том, как идут дела. Немного согрившись у огня, человек сказал, что в юрту к Микаэлю его привело весьма важное дело и что он и его сестры, не откладывая, должны пойти с ним.

– Меня послал сюда бек Вениамин, – почти шепотом, чтобы не слышали сестры, произнес незнакомец. – Бек Вениамин хочет видеть тебя немедленно.

Они вышли из юрты в промозглые густые сумерки, которые казались еще гуще из-за обложивших небо тяжелых туч. Дождь лил и лил, превращая почву под ногами в скользкое чавкающее месиво. Итиль опустел, ибо редкий человек выйдет в такую непогоду из дома.

Они шли вдоль высоких, расписанных золотом стен, по толстым верблюжьим коврам. Их шаги утопали в мягком длинном ворсе. Не привыкший к такой роскоши Микаэль под сводами дворца ощущал себя ничтожным и беспомощным. Человек, что привел его во дворец, все время был рядом.

Перед Микаэлем открылись двери большой залы. В глубине залы на высоком резном троне с золотыми подлокотниками, под тонким китайского шелка балдахинном восседал бек Вениамин. Сейчас от правителя Хазарии юношу отделяли всего несколько десятков шагов.

– Подойди ближе, юноша, – услышал он голос малик-хазара.

Ноги Микаэля сделались ватными и, казалось, подкашивались при каждом новом шаге. Он подошел к повелителю и опустился на колени. Никогда прежде Микаэль не был так близко от правителя Хазарии. Теперь он мог различить черты лица и еле заметную улыбку малик-хазара. Незнакомец, что привел его сюда, сел рядом с тронном правителя, чуть ниже его на ступень.

– Юноша, – вновь обратился к Микаэлю Вениамин, – я позвал тебя к себе для очень важной беседы. Мы скорбим по поводу безвременной кончины кагана Истани – твоего отца. Траур еще длится, но за это время мы должны найти достойного приемника усопшего кагана. Не скрою, нам весьма трудно далось решение, но выбор пал на тебя.

Микаэль вздрогнул. Таких слов он не ожидал. Хотя он и принадлежал к роду Ашина, а значит, как и многие представители этого знатного рода, мог стать каганом, все же он не держал мысли, что именно на нем сосредоточат свое внимание власть имущие. Смысл слов бека Вениамина хоть и достиг ушей Микаэля, серьезное осознание услышанного едва зарождалось в его уме. То, что говорил малик-хазар, теперь натыкалось на мысли Микаэля: «Ты станешь каганом...» – «Я больше не увижу Амину...» – «Ты будешь жить во дворце...» – «А с кем останутся сестры?..» – «Времени осталось мало...» – «Я должен найти Юнуса...»

Микаэль совладал с собой. Разговор с правителем Хазарии был недолгим, но он зачеркнул для Микаэля всю его прошлую жизнь. Все было решено за него и без него. Ему оставалось лишь покорно повиноваться. Сегодня ему предстояло провести свою первую ночь в касре. Нескоро привыкнет душа к мысли о том, что отныне дворец – его дом.

– А что будет с сестрами? – еле слышно произнес Микаэль.

– Об этом можешь не беспокоиться. Мы сделаем их придворными моей главной жены. Они не будут нуждаться ни в чем, – успокоил его Вениамин.

Микаэля отвели в небольшую, но богато обставленную комнату. Такой роскоши юноша не видел никогда. Изящные светильники, шелковые покрывала, мягкие ковры, парча на стенах... Все это было для Микаэля чужим и ненужным. Он чувствовал себя заложником непонятных ему событий. Его мысли все еще жили там, в городском квартале Итиля, в родной юрте, неподалеку от синагоги. И сейчас, глядя на зажженный светильник с пальмовым маслом, он видел перед собой очаг родной юрты...

Вениамин не торопился отпускать Ибрагима. Он остался доволен сноровкой своего верноподданного. Тот, кто вскоре должен стать каганом, у него в руках. Его имя осталось в тайне. Он недостижим для Халифата, ибо знают о нем лишь двое – малик-хазар и Ибрагим. Скоро окончится траур, тогда немедля будет назначен день посвящения, а пока Микаэль

будет находиться под неусыпным бдением Ибрагима.

XXVI

День посвящения был назначен, но каждый раз отодвигался. Звездочет бека Вениамина все время говорил «нет». Уже давно небо было подернуто плотными облаками. Все ждали ясной погоды. И вот, наконец, звездочет возвестил правителя, что через два дня выглянет солнце, но будет оно недолгим и нужно успеть свершить обряд.

С утра Микаэля готовили к предстоящей церемонии. Его тело омыли розовой водой и умастили дорогими благовониями. От этих процедур у Микаэля кружилась голова и путались мысли, но еще сильнее билось его сердце в ожидании начала новой жизни. Будет ли она длинной или короткой зависело сегодня только от него...

Утро выдалось на удивление солнечным. Ни единого облачка на небе, ни дуновения ветерка. Тысячи горожан с учащенным биением сердец ожидали на площади начала церемонии. Но чаще и громче в этой огромной людской массе, что собралась на городской площади, билось сердце Амины.

Уже долгое время она не находила себе места. В тот дождливый день Микаэль не принес ей лаваша. Тогда она думала, что всему виной дождь. Но Микаэль не пришел ни завтра, ни послезавтра, ни через три дня. На сердце Амины стало тревожно. Улучив момент, когда отец был на службе во дворце,

Амина пошла к юрте Микаэля. К ее изумлению, юрта была пуста. Все здесь оставалось так, словно ее обитатели лишь ненадолго покинули жилище. Амина спрашивала у соседей, но те лишь качали головами. Никто не видел ни Микаэля, ни его сестер, и никто не знал, что могло с ними случиться. Ничего не знал о ее друге и отец. Микаэль пропал бесследно. Амина тщетно искала его, и вот вчера глашатай объявил народу о вступлении на престол нового кагана Микаэля. Словно струна оборвалась в сердце девушки, больно ударив ее. И вот теперь Амина, слившись в единую массу с людской толпой, стояла на городской площади в ожидании ритуала. Она пришла сюда рано, задолго до того, как площадь наполнилась народом, чтобы хоть одним глазом, быть может, в последний раз увидеть своего Микаэля.

Под звуки древних тюркютских мелодий торжественная процессия церемонно ступила на площадь. Шли могущественные хазарские князья и иная знать, шли сановники и ближайшие приближенные малик-хазара. На площадь вплыли носилки, мерно покачиваясь в такт шагам несущих их рабов. На одних во всем своем царском великолепии восседал малик-хазар Вениамин, на других, в пышной торжественности золота, дорогих тканей и благовоний, прибывал Микаэль. Увидев его, Амина вздрогнула. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. Микаэль... Какой он был сейчас чужой и далекий.

Носилки опустили около глашатай-вышки. Ни один му-

скул, ни один волос не дрогнул на восседавших на них. Они сидели, словно восковые, не шевелясь и не произнося ни слова. Звуки торжественных мелодий смолкли. Тишина опустилась на площадь.

К Микаэлю подошли кендер-каган и чаушиар, сановники по достоинству равные малик-хазару. Они поставили перед ним новые носилки и расстелили войлок. Князь Ибрагим, приближенный бека Вениамина, подал Микаэлю руку. Украшенная золотом и драгоценными камнями нога юноши ступила на войлочный пьедестал (сердце Амины разрывалось на части). Микаэль сел на войлок. Кендер-каган и чаушиар подняли носилки над землей. Кроме них, теперь никто не мог приближаться к избранному. Они медленно обнесли его кругом по ходу солнца. Как только первый круг замкнулся, они опустили посвященного на землю и пали перед ним ниц. Примеру сановников последовал и собравшийся на площади люд, среди которого была и Амина, впервые стоящая на коленях перед Микаэлем.

И снова сановники подняли войлок и снова обнесли его кругом вместе с сидящим на нем Микаэлем. И снова склонились в почтительном поклоне. Так повторилось и во второй, и в третий, и в седьмой раз... Наконец был завершен последний девятый круг посвящения и поклонения новому кагану.

Микаэль сидел не шевелясь. К нему подвели верхового жеребца и помогли сесть в седло. Под юным седоком конь

стал покорно, словно врос в землю. Не смея повернуть голову, боковым зрением Микаэль увидел, как к нему, на молодом скакуне, в котором так и играла кровь, чинно приблизился бек Вениамин. В руках он держал узкое полотно шелковой материи.

Бек Вениамин занес над головой Микаэля шелковую ткань и в следующий миг обвил ее на шее юноши крепкой петлей. Ни один мускул не дрогнул на теле Микаэля. Он держался в седле все так же неподвижно. Петля все сильнее сдавливала горло. У Микаэля застучало в висках и закружилась голова. Кровь пульсировала в жилах под мертвой хваткой все сильнее сжимающейся петли.

Лицо малик-хазара Вениамина не выражало никаких эмоций. Его руки заставляли петлю все крепче сдавливать горло Микаэля (Амина еле сдерживала стон отчаяния, рвавшийся из груди). Микаэль почувствовал, что теряет сознание. Перед глазами поплыли белые и фиолетовые круги.

– Сколько лет ты сможешь царствовать? – словно гром разрезал пространство голос малик-хазара.

– Сорок, – едва прохрипел пьяный от удушья Микаэль.

Петля тотчас обмякла.

– Сорок! – громко повторил глашатай, вещая толпе хриплые, но такие значимые для страны слова. У Амины отлегло от сердца. Сорок лет – по законам Хазарии наибольший срок, который мог находиться у власти правящий каган.

– Да здравствует каган Микаэль! – возвестил тот же гро-

мовой голос малик-хазара Вениамина.

При этих словах все, кто был на площади, и сам бек Вениамин склонились ниц пред сидящим на коне Микаэлем. Снова заиграли древние тюркютские мелодии. К правителям Хазарии – Верховному кагану Микаэлю и беку Вениамину, поднесли носилки.

Торжественная процессия покинула городскую площадь, но собравшиеся здесь простолюдины, а среди них и Амина, еще долго оставались коленопреклоненными, как того требовали законы их страны.

Амина не видела вокруг себя никого. Она не чувствовала в расходящейся толпе чужие локти и плечи, что толкали ее. Потерянная в своих горьких мыслях она дошла до дома. Амину душили слезы. Видя, как переживает дочь, отец усадил ее рядом. Он успокаивал ее по-мужски сдержанно. Слезы дочери болью отзывались и в его сердце. Он молчал о многом, но теперь, когда престол Верховного кагана вновь обрел своего господина, он решил, что может поведать дочери и о совете малик-хазара на летнем кочевье, и о том, что Юнус принял мусульманство.

Слушая рассказ отца, Амина менялась на глазах. Слезы ее внезапно высохли. Она сидела перед отцом, вытянувшись в струну. Серьезные, повзрослевшие вдруг глаза ее смотрели сквозь него. Трудно было сказать, куда был устремлен этот взгляд. Все лучшие дни были для нее сейчас в прошлом. В настоящем она встретилась с потерей и предательством. Бу-

дущее казалось ей беспросветным.

XXVII

Торговый караван, сплетенный из нескольких десятков навьюченных верблюдов, держал неблизкий путь из ал-Сина в Хазарию через небезопасные земли гузов. Солнце, завершая свой каждодневный путь по небосводу, приближалось к окоему. Нужно было подумать о ночлеге. Не каждая юрта, не каждое становище этих полудиких кочевников пылали радушием принять под сводами своего домашнего очага припозднившегося в пути чужака. Свои законы, свои обычаи царили в этой стране. Ни один иноземец не мог проехать по земле гузов, если не было у него здесь кунака.

До становища Ауэза оставалось многим меньше четверти фарсаха пути. Юнус беспокожно поглядывал на небо – успеет ли караван до темноты разместиться на ночлег? Навьюченные животные тяжело ступали по бесконечным пескам азиатской пустыни, меряя шагами огромные расстояния от привала до привала.

Ауэз был очень богат. Он владел огромными табунами лошадей и верблюдов. На его пастбищах паслись многочисленные стада тонкорунных овец. Ему прислуживало множество рабов и рабынь. В кунаках у Ауэза значились многие купцы и путешественники, что шли с товарами в Мавераннахр, Балх и ал-Син. Когда их караваны оставались у него на ночлег,

он ставил для каждого из них юрту, ублажая друзей ласками юных невольниц. Он подгонял к ним столько овец, сколько надобилось гостям. Ауэз давал путникам лошадей и верблюдов, давал и овец для пропитания в пути.

Именно с Ауэзом свела судьба Юнуса, когда много месяцев назад впервые ступил он на землю гузов новоиспеченным мусульманским купцом. Ауэз был кунаком Кахтана, Язида и Нерсе, весьма успешных торговцев, которым fortuna вверила Юнуса. Пройдя с ними путь от ал-Сина и обратно, юноша ни разу не посетовал на Провидение, что так круто изменило его жизнь. Фахретдин, которому Юнус вез сверток от Мусы и Исраила, нашел его сам. Взамен он вручил Юнусу другой сверток для его друзей. Все это было столь необременительно, что Юнус не придал этому особого значения и ни разу не задумался, что было в этих свертках. Успешно продав рыбий клей, выручив за него немалые дигремы, купцы везли в Хазарию ткани, пряности и серебряную монету. Верблюды Юнуса тоже не шли налегке. Сколько раз вспоминал он добрым словом Мусу и Исраила. И его мощна, туго набитая дирхемами, приятно отяжеляла пояс.

Добрались до становища, когда солнце совсем уже скрылось за горизонтом, а густые сумерки позволяли различать лишь силуэты разбросанных по степи жилищ.

Ауэз вышел навстречу путникам. Его беспокойный нрав, отразившись в громком резком голосе, тут же поднял на ноги отошедших было ко сну обитателей его родового племени.

Забегались рабы и рабыни, засуетились жены и дети. Все лишились покоя в гостеприимной суете перед только что прибывшими иноземными купцами.

Юнус спешился с лошади. После долгого перехода протяженностью в фарсах, земля плыла под ногами.

– Приветствую тебя, Кахтан, – суетился Ауэз, – и тебя, Нерсе, и тебя, Юнус. Мой дом – ваш дом. Мои бараны – ваши бараны.

Пока рабы ставили войлочные юрты, распрягали лошадей и верблюдов, гости, как того требовали законы страны гурзов, раскладывали перед хозяином дома приготовленные для него дары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.